Альфа-женщина

Автор:
Наталья Андреева

Альфа-женщина

Наталья Вячеславовна Андреева

Нелегко быть альфа-женщиной, коварной соблазнительницей, расчетливой стервой и хитроумной интриганкой… Но с этой ролью Георгина Георгиевна Листопадова отлично справляется. Завоевать понравившегося мужчину, построить сногсшибательную карьеру, устранить врагов и недоброжелателей – все это ей по силам. Теперь же она метит еще на один лакомый кусочек – пост ректора гуманитарного университета. Прежний ректор Курбатов был найден мертвым в своем собственном доме. Следствие подозревает в убийстве опасную красотку Георгину, ведь на месте преступления найден ее пистолет. Как он там очутился, она объяснить не может или не хочет. Вместо этого она соблазняет симпатичного следователя Глебова и пытается с его помощью уйти от правосудия. Но вдруг объявляется новая свидетельница, такая же альфа-женщина, как она сама, у той есть неопровержимые улики против Листопадовой. Неизвестно, чем закончится схватка двух хищниц…

Наталья Андреева

Альфа-женщина

Моим читателям

До того как вы начнете читать роман, я хотела бы дать кое-какие пояснения, потому что сам текст местами шокирующий. Во-первых, почему такое название?

Чем вызвана резкость тона и столь эпатирующая откровенность? А главное, по какой причине я взялась писать эту книгу?

Мы сейчас стоим на пороге новой эры, Эпохи Водолея, или же эпохи нового матриархата. Так, по крайней мере, говорят. Кто они, эти волевые умные женщины, стремящиеся отвоевать у мужчин ключевые позиции, занять руководящие должности, подмять под себя сильный пол? Что ими движет, о чем они думают, каким образом добиваются своего? Счастливы они или нет? Их еще называют стервами, а иногда альфа-женщинами или альфа-самками. Я же хотела бы разделить два этих понятия и объяснить почему. Альфа-самка – не то же самое, что стерва. А вот что это такое…

В моем романе альфа-самка – это портрет явления. О нем последнее время много говорят, спорят, и мнения на этот счет есть разные. Мой роман не мнение. Это художественное произведение, к чему я прошу отнестись с пониманием.

Поскольку героиня – дама с ученой степенью, к написанию этой книги я отнеслась серьезно. Благодарю за помощь моего научного консультанта, а также близкую подругу, профессора Наталью Викторовну Лопатину. Особенно за то, что дала мне возможность присутствовать на защите диссертации, где сама она выступала в роли научного руководителя. Роман я писала долго, иногда даже параллельно с другими книгами. Долго и тщательно собирала информацию, как я обычно и делаю, если предмет исследования мне мало знаком.

И я прошу прощения за то, что из предоставленного мне материала я сделала всего лишь детектив. Потому что наука – это серьезно, и люди, занимающиеся ею, достойны всяческого уважения. Я это поняла во время работы над книгой. Поэтому не ищите совпадений, знакомых фамилий, не проводите параллели. Для детектива мне требовалось придумать парочку отъявленных негодяев. Именно придумать. Чтобы интересно было читать.

Я решила оставить написание серьезных книг с обилием научных терминов людям, которые профессионально этим занимаются. А их самих немного развлечь, если они вдруг соизволят взять в руки роман, написанный в столь несерьезном жанре, как детектив.

Вот, собственно, и все. Приятного вам чтения. И… надеюсь на понимание.

Ваша Наталья Андреева

Гиеновидные собаки живут и охотятся стаями из 7—15 особей. Стая состоит из доминантной пары и потомства альфа-самки; все самцы подчиняются альфа-самцу, а все самки – альфа-самке. Во время установления иерархии гиеновидные собаки не затевают агрессивных поединков, обходясь демонстрациями поз подчинения или лидерства; исключение составляют редкие стычки между альфа-самкой и низшими самками во время течки. Все члены стаи миролюбивы и тесно сотрудничают во время охоты и выкармливания щенков. И самцы, и самки совместно заботятся о потомстве альфа-самки и кормят раненых и больных членов стаи, отрыгивая мясо. Из-за еды не дерутся…

Википедия

Что ж за жизнь-то пошла, а? Внутри все кипит, а выхода этому нет.

Так и хочется кого-нибудь убить. Начальника-урода, выдающего мои идеи за свои, давно заметила, что все начальники только этим и занимаются: выслушивают талантливых подчиненных с таким лицом, будто им пытаются всучить лимон, а этажом выше эта кислятина сказочным образом превращается в сахарную вату. Продавщица-хамка с ее лживыми весами (сто пятьдесят граммов, вы только подумайте!) заслуживает того, чтобы быть уложенной на колоду мясника, где ей отрубят ровно столько, сколько она украла хотя бы за день у меня и других покупателей. А потный толстяк, засунувший руку мне под юбку в переполненном вагоне метро? А ранее мерзавец, уволокший мою машину на штрафстоянку, пока я носилась по маркету с тележкой, набивая ее продуктами… Взять молоток, и по башке, по башке!

Первые – родители. Не убить, как-никак родные люди – мама с папой, но настучать уж точно. Попробуйте-ка выговорить: Георгина Георгиевна. Пари могу заключить, что с первого раза не получится. Вот о чем люди думают, когда называют детей необычными именами?

– Мы с папой хотели, чтобы было красиво,?– их ответ.

Когда недалекие особи очень-очень стараются сделать красиво, получается до безобразия глупо. Мое пышное имя первый раз непременно произносят с улыбкой. Потом привыкают, либо я даю варианты. Инна Георгиевна или Георгина Егоровна. Георгин, это вообще-то он. Назвали бы Маргаритой или Виолой, если уж так хотелось одарить девочку именем-цветком. У моего Георгина мужские корни, отсюда все мои беды. Я – альфа-самка, оружие пострашнее динамита.

Фамилия моя Листопадова, и весь этот колумбарий – мое проклятье с рождения. Я в курсе, что такое колумбарий, я и смерть – одного рода события. Я – цветок на могиле, неважно чьей. В колумбарии, на урне с прахом. Георгина Георгиевна Листопадова, нате, примите!

Но убить из-за ста граммов мяса, согласитесь, мелко. Пошловатенько как-то. Убого. Озабоченного мужичка тоже можно пожалеть, ну не дает ему никто, кроме вагона метро. Убить из-за премии, на которую и в приличный ресторан не сходишь? Даже если хватит расплатиться по счету, убить из-за ужина? Мне, Георгине Георгиевне Листопадовой?! Венок за две тысячи рублей. Нет уж, убивать – так за миллион алых роз.

Нужен повод. И далеко не каждый годится. Надо убить так, чтобы потом не было стыдно за бесцельно прожитые годы где-нибудь в местах не столь отдаленных.

– За что вы отбываете срок, Листопадова?

Я сделала жизнь на земле немножечко лучше, стало меньше на одного урода, который смердел, думая, что живет. На моем этаже теперь легче дышать. Вот это, я понимаю, повод!

И вот он, повод, лежит передо мной на элитном наборном паркете в луже крови, и меня ничуть не удивляет, что она черная. А какая еще у него может быть кровь? Я понимаю, что должна сделать что-то очень важное. Это касается пистолета. На нем отпечатки моих пальцев, и надо бы подстраховаться. Уничтожить отпечатки. Остальные улики тоже следует затереть, исходя из опыта, полученного в результате просмотра и прочтения бесчисленных детективов. Даже человек, который никого не хочет убивать, которому можно безнаказанно отдавить ногу и послать на хер, и тот поневоле этому научится. У нас скоро будут сидеть в тюрьме лишь случайные люди. По разнарядке.

Назначили тебя преступником – садись. Потому что реального найти невозможно. Отпечатки стер, машину угнал, свидетелей подкупил. Или запугал, тоже действенно. Все знают, что надо делать, чтобы избежать наказания за совершенное преступление. Кто вовремя не подсуетился, тот лузер. В моем кармане есть носовой платок, а в голове парочка умных мыслей. И еще у меня полно времени. Суд присяжных пока подождет. Вы, господа, собирайтесь потихоньку, и, бог даст, мы встретимся. Но не в этой жизни.

Тишина, как в могиле. У него, у этого урода, огромный дом. Почему-то у всех, кто смердит, жилищные условия в полном порядке. Масштабы поражают. Я поняла, почему. Чтобы зловоние далеко не распространялось. Если ЭТО смердит в панельной пятиэтажке, представляете, сколько народу стонет? А за высоким забором он воняет исключительно для себя, ну для семьи, но это уже их выбор. Не нравится – уходи. Любишь деньги – терпи.

Его жена любит деньги. И дети любят. Дети любят деньги. Словосочетание убийственное, но таковы реалии нашего времени. Раньше дети любили маму с папой и эскимо за двадцать восемь копеек, теперь любят двадцать восемь копеек, с учетом инфляции, разумеется, но то, что на них можно купить эскимо, отпрысков уже не впечатляет. Они мыслят масштабно. Процентами в банке, перспективой уехать на учебу за границу, теплым местечком в госкорпорации. О том, что рухнула система ценностей, говорят постоянно. Но никто не может отследить момент, поставить точку отсчета нового времени. Говорят обтекаемо: девяностые и нулевые. А вот в тот момент, когда дети перестали любить эскимо, не говоря уже про маму с папой, все и рухнуло. Когда родители стали средством.

Прекрасное время! Кто сказал, что оно плохое? Вы, господа, забыли, как давились в очередях. Ах, да! В очередях давились товарищи. И этот, который в луже крови лежит сейчас на паркете с дырой в черепе, тоже. Не сразу же он стал ректором нашего института. Сначала заделался правозащитником, а до того давился в очередях, выбивал себе квартиру, в профкоме вымаливал путевку на юг, значился в списках на машину, стенку, палас и цветной телевизор марки «Рубин». В общем, был человеком. А перестал он им быть, когда заделался правозащитником. Вот с этого и началась его блестящая карьера, которая закончилась в луже крови на наборном паркете из ценных пород дерева.

Правозащитник – это человек, который очень хочет стать большим чиновником, чтобы неплохо жить, или уже, по сути, чиновник, живущий неплохо, но делающий вид, что радеет за людей, которым живется отвратительно. Чем старательнее он делает вид, чем больше суеты разводит, чем несчастнее его подзащитные, тем лучше ему живется. Некоторые даже обзаводятся мигалками и не слезают с экрана телевизора. Все зависит от актерского таланта и степени разложения общества. Если оно, общество, совсем разложилось, ему нужно безумное количество краснобаев, чтобы процесс не затухал. Разлагаться надо со вкусом. Общество, которое здорово, нуждается исключительно в деловых людях, оно зазря не кормит. Чиновники в нем как солдатики, действуют молча, четко и слаженно. А в разложившемся обществе они – генералы. Аппетиты у них генеральские, гонорары тоже. Они искренне считают себя опорой государства, самыми нужными и важными людьми, хотя не производят ничего, кроме кипы бумаг. Но именно они наставительно говорят всем остальным:

– Надо заниматься делом.

Мой генерал дослужился до ректора нашего университета. Я назвала его институтом? Обмолвилась. Во времена, когда я сама здесь училась, когда общество еще не разложилось и с ценностями все было в полном порядке, узаконены и единогласно прибраны, на этом же месте был институт. Он занимался исключительно идеологией. Этим раньше занимались все гуманитарные вузы, их за то и кормили. Идеология поменялась, соответственно, поменялась и программа. Не поменялся штат сотрудников. Все, кто раньше преподавал политэкономию и громил идеалистов проклятых, переключились на социологию и историю религии. Вдруг выяснилось, что каждый партиец тайно праздновал Пасху, слушал голос Америки и хранил в чулане икону, которой благословляли под венец его прабабку.

Все кинулись делить ничье пространство. Важно было определиться с направлением. Сначала выиграли предприимчивые люди, предпочитавшие материальные ценности духовным. Заводы, шахты, нефтяные скважины, авиакомпании. Но мигом народилась армия чиновников, которая обложила все это огромной данью. И поставила себя гораздо выше реального производства и вообще реального дела. В общем, на смену девяностым пришли нулевые.

Человек, который сегодня умер, хотя накануне этого рокового дня собирался жить долго и счастливо, шел верным курсом. Ловко ввинтился в массовое сознание, за что ему кинули кусок – должность ректора одного из ключевых

гуманитарных вузов страны. А сейчас он пошел бы на повышение прямо из очередного отпуска в министерство, где в связи с перестановками в правительстве как раз освободился портфель. До выборов нового ректора власть должна была перейти к и.о., который и становился явным фаворитом. Я приехала сюда, чтобы обсудить его кандидатуру. Точнее, на собеседование, потому что ректор (пока еще ректор) решил лично и тайно побеседовать с каждым из соискателей.

В этом и была его роковая ошибка.

Понятно, что у нас демократия. Должность ректора выборная, но кому здесь надо объяснять, что такое выборы и насколько предсказуем их результат? Все решает административный ресурс. Голосование тайное, и процесс подсчета голосов идет за закрытыми дверями. Их могут «подсчитать», как подскажут сверху. Ректор – пока еще председатель Ученого совета, который утверждает кандидатуры. И который их выдвигает. Нет, другие, конечно, тоже выдвигают, всякие там кафедры, общественные организации при университете. Возможно даже самовыдвижение. Но не смешите меня. Все решается наверху. Тем более человек уходит в министерство на большую должность. Кто рискнет испортить с ним отношения? Им ведь с преемником работать и работать! Нужен свой человечек, полностью контролируемый и всем обязанный. На данном этапе идет «пристрелка», составление списка и согласование кандидатур, чтобы потом не было никаких неожиданностей.

Правило террариума: ни одной змее нельзя давать шанса стать главной Коброй. Это все равно, что кинуть туда аппетитную белую мышь. Кто ее проглотит, тот и будет царицей. Пусть пресмыкающиеся кусают друг друга, у них давно уже выработался иммунитет к яду. Но если кому-то дают шанс возвыситься…

Каждая понимает: пока мы все равны, еды хватит. Можно мирно сотрудничать и совместно выкармливать щенков, то есть студентов. Никого не уволят, а грызня – она мышечный тонус повышает. Но если из этого клубка вытянуть одну рядовую особь и надеть на нее корону, она всех остальных просто-напросто сожрет, пользуясь правом сильного.

И змеи зашевелились. Хозяин очень уж низко опустил руку, в которой держал ценный приз. В состоянии эйфории бдительность притупляется. Он уже представлял себе, какие откаты будет брать, на кого оформит новую недвижимость здесь и за границей, как нагнет своих недоброжелателей, а

людей верных поощрит, предоставив им длань для целования. И заживет эдаким царьком, потому что Царь понятно кто. Но за империю и ответственность большая. А лучше, когда никакой. Самые ругательные у нас образование и здравоохранение, а самый безопасный (вот парадокс) портфель министра по чрезвычайным ситуациям. Если не приближаться к зоне риска, где находятся экономика и финансы, можно устроиться с комфортом. Затеряться в итоге среди вице-премьеров, господи, кто их всех знает? И кто их считал? Каждый за что-то отвечает так ненавязчиво и незаметно, что не отвечает ни за что. Главное, соблюдать вертикаль. Этому наш ректор научился, еще когда был просто правозащитником. Поэтому в министерстве его ждала блестящая карьера.

Я знала, что шансов у меня мало. В этом списке мой номер шестнадцатый. Сами посудите. Одна соискательница замужем за Большим Бизнесменом, другая за Большим Чиновником. Их преимущество – мужья. Они же проблема. Если бы ББ не сцепился с БЧ за то, чья жена будет круче, все давно уже было бы решено. За одним деньги, за другим связи. Казалось бы, БЧ для ректора предпочтительней. Но он подумал, что скоро сам будет супер-БЧ. И явно обойдет в чиновничьей иерархии мужа своей преемницы. А вот денег никогда не бывает много. С другой стороны, и карьера в министерстве может не сложиться. Совсем, конечно, не отодвинут от кормушки, раз человек попал в обойму, но могут затереть, затоптать. Тогда ситуация поменяется, и БЧ снова будет нужен. Тут-то можно сделать звоночек:

– А помнишь, я твою поддержал? Поддержи и ты меня.

Чиновник животное стадное. Это бизнесмены одиночки. Так и караулят, кто там в гонке ослаб? Горло перерезать, кровушку пустить. Чиновник не таков. Поскольку он ничего не производит, сидит исключительно на связях, на отношениях, он этими связями дорожит. С чиновником всегда приходит команда. Каждый человек команды имеет связи с людьми другой команды. В итоге в чемпионате играют только свои. Вот и задумался ректор. Выбор очевиден, но есть такое чувство, называется жадность. Ох, сколько же народа на ней погорело! ББ огромные деньги предлагает. Сами посудите: была у него в доме просто баба, а может появиться баба-ректор. Ее как медальную собаку можно водить по вип-тусовкам. По команде говорит «гав», приносит тапки, значит, условный рефлекс сохранился, словарный запас небольшой, зато в него входит слово «саммит». Никаких денег не жалко за такое редкое домашнее животное. Ну и новое поле деятельности. Это как же можно развернуться! Предприимчивые ректоры становятся олигархами, получая по несколько

миллионов в месяц. Вот и сцепились мужички.

Выход есть: отказать обоим. Сохранить паритет. Не могу, мужики, дали человечка сверху. И тут я, Георгина Георгиевна Листопадова – номер шестнадцать. Вроде бы никто. Но мой молодой любовник работает как раз таки в курирующем наш университет министерстве. Когда-то он был моим учеником, потом судьба нас разбросала и спустя лет семь его каким-то чудесным образом выбросила на самый верх. Да так, что я косвенно оказалась у него в подчинении. Поскольку я альфа-самка, быть в подчинении у юнца напрягает, а положение сверху можно занять, только если оседлать этого юнца. В прямом смысле слова. В сексе я кое-что понимаю, но об этом после. Сначала надо объяснить за что. За что в мозгу у этого глупца теперь огромная дыра. Не был бы таким жадным – не валялся бы сейчас в луже крови. Объясняю.

Пока ректор долго и нудно выбирал между ББ и БЧ, террариум плюнул ему в лицо кандидатурой своего выдвиженца. Единогласным голосованием змей было решено, что роль главной Кобры будет играть Кобр. То есть мужчина. Наплевать, что он косой, рябой, хромой, едва видит и почти не слышит. Но на нем штаны. Следовательно, им можно манипулировать. О способах манипулирования мужчиной, которые известны каждой самке, мало-мальски похожей на женщину, мы тоже поговорим потом. Сейчас о трупе.

И, в?пятых, потерявшее терпение министерство и в самом деле спустило на поле битвы с высоты заоблачного чиновничьего Олимпа своего кандидата. Не меня, я любовница. И мой мальчик в кругах соответствующих имеет вес небольшой. Вот вырастет, заматереет… Тогда никаких пяти кандидатур не будет и в помине. Одна моя, безоговорочная. Но поскольку он пока мальчик, и я в этом списке девочка. Девочка на побегушках.

– Ну, ты заезжай ко мне, Гера. Поболтаем, чайку попьем.

Гера – это мое имя. Для своих. Для тех, кого я давно знаю, и кто считает, что вправе меня унижать. Если бы он сказал: «Я жду вас в три, Георгина Георгиевна. Надо обсудить очень важный вопрос»,?– все было бы по-другому. Я поняла бы, что со мной считаются. Но приехать последней, когда все уже решено… Я знала, что решено, когда сюда ехала. Поэтому закипала от бешенства.

Зачем ты так долго тянул, скотина?!

Охота начинается

Они довольно быстро разобрались, что к чему. Они – это полиция. И вызвали меня повесткой. Я, разумеется, не пошла. Есть два места, куда не следует торопиться: на тот свет и в тюремную камеру. Тут годятся любые приемы, в том числе и запрещенные. Вторую повестку мне вручили лично в руки, на что я вручила справку о болезни. Не могу, мол, почти помираю, пульс частый, дыхание еле слышно, кашляю, чихаю, моча с кровью, а стул без говна, и вообще я на учете у психиатра состою. От такого коктейля в полиции обалдели. Кто состряпал мне такую справку, говорить не буду. Чего у нас нельзя купить и за сколько? Для борцов с коррупцией я настолько мелкая сошка, что возиться со мной, болезной, нет никакого смысла. Народ не оценит, ему нужны фигуры. И меня оставили в покое, подшив к делу липовую справку с настоящими печатями.

А время меж тем шло. Здоровьице мое очень медленно шло на поправку. Наконец я «выздоровела» настолько, что решила: пора объясниться. И на третью повестку ответила милостивым согласием. Ждите, приду.

За то время, пока я болела, дознание по делу об убийстве ректора Курбатова шло полным ходом. А дело пришлось-таки возбудить, не сам он же себя продырявил на пике карьеры? Да так сильно, что скончался, не приходя в министерство. Поскольку факт насильственной смерти был установлен, подключился Следственный комитет. Меня допросили последней, все остальные фигуранты в кабинете у следователя по особо важным уже побывали. Взглянула я на этого следователя и… мама дорогая!

Совсем еще мальчик. Я так говорю, потому что сама не девочка. Я старше его на… Лет на пятнадцать, это если себя не обидеть. А так на все двадцать. Он даже моложе моего любовника из министерства. Для альфа-самки легкая добыча. Если бы я это знала раньше, не брала бы больничный.

– Здравствуйте, Георгина Георгиевна,?– бодро начал он. И покраснел, потому что с непривычки мое имя-отчество выговорить трудно. Я же говорю: мальчик. Надо было потренироваться.

– Добрый день.

– Как ваше здоровье?

– Я бы села. Ноги не держат.

– Ах, да! – Он покраснел еще больше.?– Конечно, садитесь!

Ему бы вскочить и отодвинуть для меня стул, но оно понятно: тут не ресторан. Я со вздохом опустилась на неудобное холодное сиденье. С чего-то же надо начинать. Через два таких свидания он будет мой, и до ресторанов у нас еще дойдет. А там и до постели. Я собираюсь пойти до конца. Он мне нужен, и я его заполучу.

– Давненько мы вас дожидаемся.?– Он попытался быть строгим.

– Представьтесь, пожалуйста.

– Ах, да! – Теперь он стал багровым. За две минуты три серьезных просчета. Вот это статистика!

Реорганизация (или что там у них было?) не пошла им на пользу. Я имею в виду полицию. Матерые волки пали в борьбе с коррупцией, на смену им пришли честные щенки. Сиди сейчас напротив меня волчара, мне бы не поздоровилось. Их, конечно, далеко не всех перерезали, но на тех, что остались, надели намордники и нацепили короткие поводки, и волчары затаились. Выжидают: чем все закончится? И когда можно будет вернуться к старым проверенным методам? А то журналюги оборзели. Стоит только кулаком замахнуться – Интернет уже кипит, как огромный котел. Тут же выкладывают компрометирующее видео. Пока не ввели тотальный контроль и не взяли в оборот социальные сети, надо затаиться.

– Меня зовут Ярослав Борисович Глебов, – важно сказал мой мальчик.

– Прекрасно! – не удержалась я.

– В смысле?

– Прекрасное русское имя. Истинно русское, – подчеркнула я. – Ваши родители – умные люди с хорошим вкусом.

– Давайте перейдем к делу.

– Охотно.

– Фамилия, имя, отчество, дата и место рождения.

Я назвала.

– Хватит надо мной издеваться! – швырнул он на стол ручку. – Ладно, имя у вас… – Он еле сдержался. – То еще. Но вы что, хотите сказать, что в деревне родились? Да у вас МОСКВА на лбу крупными буквами написано! Зачем вы врете?

– Я всегда вру, – сказала я чистую правду. – Поэтому вам придется шаг за шагом, слово за словом разоблачать мое вранье, чтобы доказать то, что вы хотите доказать.

– Хорошо. – Он стиснул зубы и накарябал что-то в протоколе. – Перейдем к делу. А суть его такова. Двадцатого июня этого года в доме Курбатова Ивана Алексеевича, ректора вашего университета, был обнаружен труп.

– Труп кого?

– Как это кого? А вы разве не знаете?

– Я понятия не имею, зачем меня сюда пригласили.

Забыла сказать: я все время вру. Глебов уже в курсе, и это была не фигура речи. Доказано: люди не хотят знать правду, и я им подыгрываю, насколько хватает моих сил. Когда накатывает вдохновение, я сочиняю такие сказки, что они достойны экранизации, честное слово. Хотя «честное слово» в моих лживых устах звучит кощунственно. Это как сигнал. Если я говорю «честное слово», значит, за этим последует такое наглое вранье, какое вам и не снилось. Я вру так правдоподобно и с таким невинным видом, что могла бы зарабатывать на

этом огромные деньги. Старушки безоговорочно отдавали бы мне пенсию, представься я работником соцзащиты, прохожие совали бы милостыню, приди мне в голову заделаться нищенкой, игроки за покерным столом сливали бы партию за партией, вздумай я зарабатывать игрой в карты. Но у меня своя игра. В данном конкретном случае я играю на свою свободу. Пятнадцать лет за решеткой не входят в мои жизненные планы. Я не боюсь, нет, я же альфа-самка, просто очень люблю хорошие рестораны, быстрые машины и резвых жеребцов.

– Георгина Георгиевна, мы прекрасно знаем, что в тот день, когда его убили, ректор назначил собеседование всем соискателям. А вы были в их числе.

– Соискателям чего?

– Уж этого-то вы не могли не знать. Он уходил на повышение в министерство. И должность ректора освобождалась.

– И что, она освободилась раньше? Вы меня обрадовали!

– Георгина Георгиевна! – С третьего раза у него получилось. Я это учла: с третьего раза.

– Вы так долго от нас бегали, что это вызывает подозрение!

Я обернулась:

– Здесь есть еще кто-то?

– Нет, здесь только вы и я.

– Но вы все время говорите «мы», – сказала я насмешливо. – «Мы» знаем, «от нас» бегали. Вот я и подумала…

– Вы надо мной издеваетесь, да?

– Нет, вы мне очень симпатичны, Ярослав.

– Борисович.

– Как-то так.

– Не как-то так, а именно Ярослав Борисович! И прекратите строить мне глазки, на меня это не действует!

– Вы женаты?

– Нет!

– Хотите взятку?

– Вы с ума сошли! – Он встал.

– Но вы же еще не знаете, от чего отказываетесь. Я вам не деньги предлагаю.

– Вы – сумасшедшая.

– Эта справка – чистая липа, – я кивнула на папку, куда был подшит букет моих мнимых болезней.

– Я понимаю, что у вас много денег. Не знаю, откуда вы их берете…

– Я доктор наук.

– Я понимаю: всякие там доплаты…

– Благодарные студенты…

– Гранты…

– Аспиранты, тоже благодарные…

– Прекратите!

– Вы мне все время говорите «белое». А я вам «черное». В целом получается реальная картина мира.

Он сел.

– Георгина Георгиевна, давайте говорить буду я? А вы послушаете.

– С удовольствием.

Я на время отключилась. Мне нравилось на него смотреть. У него были большие, красивые глаза, то ли серые, то ли серо-голубые. Интересный цвет, он меняется в зависимости от освещения. В ясный солнечный день в них больше голубизны, такое ощущение, что из тумана над речкой встает ленивое, заспанное солнце. А в пасмурную погоду небо свинцовое, и тот же туман густой, напитанный влагой, которую с огромным трудом сдерживают густые ресницы, похожие на медную проволоку…

– Георгина Георгиевна?

– Извините, задумалась,?– я улыбнулась.?– Так о чем мы?

– На месте убийства найден ваш пистолет.

– О, господи! А я?то гадала: куда ж его задевала? А он, оказывается, обнаружен рядом с трупом! Нашелся, вот счастье!

– Значит, вы не отрицаете, что оружие принадлежит вам?

– Послушайте, Ярослав, у меня пропал пистолет. Вы что-то там нашли. Где-то. Пробили по базе. Я купила оружие на законном основании. Прошла соответствующую медкомиссию, получила лицензию.

– Зачем вам оружие?

– Я одинокая женщина. У меня даже собаки нет,?– я притворно вздохнула.?– С весны до глубокой осени я подолгу живу на даче. Дом большой, в нем по ночам бывает страшно. На дачах орудуют грабители. Разве вам это неизвестно?

– Мне-то известно. Но вы вполне могли бы обойтись травматикой.

– На нее теперь тоже нужно разрешение. Все равно собирать кучу справок. Так, может, сразу боевой? Пистолет, я имею в виду. Чего мелочиться?

– Оружие есть оружие,?– разозлился он.?– Вещь чрезвычайно опасная.

– А я люблю опасность. Знаете, сколько раз меня штрафовали за превышение скорости?

– Вы опять!

Он хотел встать, но я сказала:

– Сидите. Не надо бегать от меня по кабинету. Здесь все равно негде спрятаться.

– Ну, в общем, так. Я уже понял, что сотрудничать вы не хотите.

– Хочу. Очень хочу. Но и вы поймите: я его не убивала. Почему я должна садиться в тюрьму за преступление, которого не совершала?

– Но вы приехали последней!

– Да. Приехала, вошла в дом и увидела труп. Меня подставили.

– А пистолет?

– Украли. На нем ведь нет моих отпечатков пальцев?

– Да ведь вы их стерли! И ручки дверные протерли! И выключатели! – разгорячился он.

– Вот спасибо! Теперь я знаю, где точно нет моих отпечатков.

Он растерялся.

– Я вас недооценил, Георгина Георгиевна. Думал, вы другая.

– Старая жопа?

– Я думал, вы нормальная женщина, – с обидой сказал он. – А вы не женщина. Вы… В общем, так нельзя, – рассердился мой Ярослав Борисович совсем как мальчишка. Лапочка просто! У меня аж слюнки потекли. – Убили – признайтесь. Суд это учтет, и вы получите снисхождение.

– А вы премию. Давайте лучше я вам заплачу. Сумма будет значительной, обещаю. Зачем вам какие-то копейки от государства? Берите меня. Я состоятельная дама, да вы, наверное, уже навели справки. Теперь у меня к тому же появился шанс стать ректором. И я его не упущу.

– Вы очень ошибаетесь, госпожа Листопадова. Вы убили, и вы сядете. А ректором будет кто-то другой.

– Это вы ошибаетесь, – мягко, по-кошачьи, сказала я. – Сядет другой. А я буду ректором. Пари?

– Мне надо подготовиться к следующей беседе с вами.

– Мне тоже.

– Надеюсь, вы не будете больше от нас бегать.

– От вас нет. От вас, Ярослав.

– Борисович.

– Пропуск подпишите.

– Под подписку о невыезде. Только на таком условии я вас отпущу. Пока отпущу.

– Что ж с вами поделаешь, – я вздохнула. – Под подписку так под подписку.

– Все это время вы будете находиться в Москве, по адресу вашего фактического проживания.

– Я поняла.

– И придете ко мне на допрос по первому моему требованию.

– Наконец-то! Наконец-то мы вдвоем! Вы первый раз сказали «я». «Ко мне» придете вместо «нас». Прогресс.

– Ваш юмор неуместен. Подпишите и можете идти.

Он посмотрел на меня с ненавистью. Это была многообещающая ненависть. В шаге от безумной любви. Я собиралась поступить с ним жестоко, признаю, но мне ведь надо делать карьеру. Из сложившейся ситуации я собиралась извлечь максимум пользы. Поэтому, распрощавшись с Ярославом Борисовичем, позвонила своему любовнику из министерства:

– Алло, Саша? Я только что была у следователя. Да, это надо обсудить. Хорошо, сегодня вечером. Целую тебя. Пока.

Приемный сын гиены

Вечером я сидела в своей машине и ждала Сашу. Рассматривала через лобовое стекло проходивших мимо людей и улыбалась. Предвкушала, как через какой-нибудь час буду снимать стресс. Саша вот-вот должен выйти из министерства и, отпустив служебную машину, поехать ко мне. Мы собирались поговорить об убийстве нашего общего знакомого и заняться сексом. В жизни альфа-самки секс имеет важное значение, можно даже сказать, определяющее. Потому что женщина, уклоняющаяся от физического контакта с мужчинами, теряет над ними власть. Они будут с восторгом говорить ей, какая она замечательная, умная, добрая, чуткая, и с наступлением темноты (а то и в светлое время суток) тайком убегать к нечутким и недобрым, глупым и жадным, но зато охотно

раздвигающим ноги. Поэтому о сексе здесь будет много. Среди множества проверенных временем способов манипулирования мужчиной это древнейший и самый надежный. Не надо иметь высшего образования, чтобы его освоить, и это существенно облегчает нам, женщинам, жизнь. А если мужчина молодой и красивый, это еще и приятно.

Мне повезло. Мужчина, от которого теперь зависела моя свобода и моя карьера, мне нравился. Для всех остальных он ваше королевское высочество Александр Иванович. Александр Иванович Козелков. Не козел, а так. Полкозла. Шучу. Я его очень люблю. Честное слово. Я люблю его в меру своей испорченности, и он доволен. Секс со мной – одно из самых ярких впечатлений его скучной чиновничьей жизни.

Разумеется, он женат. Его жена – очень милая девочка. Она очаровательна, домовита и глупа. Мне ее жалко, честное слово. Я могла бы развести их в пять минут, просто мне ее муж не нужен. То есть нужен два раза в неделю по полчаса. Еще часов пять я объясняю ему мотивы поступков тех людей, от которых зависит его карьера. Я помогаю ему делать карьеру, чего его девочка-жена никак не может. Дать разумный совет. Она сама еще ребенок. Мы с Сашей из одной стаи, можно сказать, что он приемный сын гиены. Гиены альфа-самки. Поскольку своих детей у меня нет, я считаю детьми всех своих учеников. Я выкармливаю их, наставляю на путь истинный и выпускаю в большой мир. Наши отношения с Сашей сродни инцесту, но у гиен это нормально.

Вот он идет. Какое-то время я им любуюсь. Прическа волосок к волоску. Костюмчик сидит как влитой. Ботинки начищены до блеска, несмотря на то что уже конец рабочего дня, к ним не прилипло ни пылинки. Красивый чиновник – это зрелище! В нем нет развязности записного плейбоя, его красота очень компактна, удобна и проста в обращении. Идеальный пробор, белозубая улыбка, каждое движение выверено, каждое слово взвешено. Ах, хорош, мерзавец!

– Привет!

– Здравствуй, радость моя.

Он садится в машину, и какое-то время мы жадно целуемся. Я всегда паркуюсь в месте, где нас не могут заметить его подчиненные, и он это место знает. Знает, что я осторожна, и ценит.

– Поехали скорей к тебе!

– Что ты сказал жене? – спросила я, заводя машину.

– Что я на совещании.

– А как ты объяснишь, что приехал на такси?

– Зашел с друзьями в пивную.

– Почему не в ресторан?

– Это друзья, которых она не знает. Еще по институту.

– Ай, умница!

– Твоя школа.

Школа гиены. Альфа-самки. Мы тащимся по московским улицам, запруженным машинами. Мы сгораем от нетерпения. И хотя у меня к нему важный разговор, повернув ключ в замке своей квартиры, я бросаю:

– Поговорим потом.

И торопливо срываю с себя одежду. Его я раздеваю сама по пути из прихожей в спальню. Мои трусики остаются на полу, в метре от входной двери. Нет такого мужчины, которого не возбуждает голая учительница. Саша столько лет томился за партой, пожирая меня глазами, что теперь ему достаточно увидеть меня голой, чтобы потерять остатки разума и возбудиться. Теперь я могу делать с ним все что хочу.

Раздеть мужчину – это великое искусство. От этого зависит успех всего предприятия. Надо уметь так ловко расстегнуть «молнию» на брюках, чтобы не зацепить ни одного волоска. Там, в штанах, его сокровище, его гордость, смысл его жизни. Все главные мысли мужчины ниже пояса, и, чтобы процесс мышления пошел в правильном направлении, достаточно засунуть руку ему в портки. И сделать несколько плавных движений.

Он тоже соскучился. Это видно по нетерпению, с которым он помогает мне избавиться от одежды, как он двигает бедрами, не отрывая жадного рта от моих губ, и, ударившись о дверной косяк, совсем не чувствует боли. Нам не до того, не до синяков и шишек, наоборот, это только возбуждает. И хотя я думаю совсем о другом мужчине, и неизвестно, о чем думает Саша, у нас все хорошо. Времени мало, и каждая минута похожа на пороховую бочку, к которой я губами подношу спичку. До кровати он доходит, оглохнув и ослепнув. У меня внутри все кипит, и когда я сажусь на него верхом, пари могу заключить, ему кажется, что он рухнул в жерло вулкана. Его член пронзает раскаленную лаву. Она уже льется через край, и мы ею захлебываемся. Нам так жарко, что с обоих льется пот. Соседи, которые уже привыкли дважды в неделю слушать наши страстные стоны, специально для этого возвращаются с дачи. Я люблю их дразнить. И его тоже.

Для этого я делаю специальную гимнастику. Тренирую мышцы влагалища, чтобы играть с членом, как кошка с мышью. Легонько сжать и отпустить. Потом сжать посильнее. Саши хватает ненадолго, но это всего лишь первый раунд. Сегодня я планирую три. Его девочка подождет. Все, что она умеет – это лежать, раздвинув ноги. И я не собираюсь давать ей уроки постельного мастерства.

– Все, больше не могу…

Я целую его в губы и на мгновенье замираю. Потом ложусь на него грудью, и он жадно ловит ртом мой сосок. Приемный сын гиены. Он не знает, какое на вкус мое молоко, я вскормила его своим мозгом.

Он бурно кончает, и какое-то время я лежу на нем, кончиком языка слизывая пот с его лба и щек. Я его почти ласкаю. Потом скатываюсь на смятые страстью влажные простыни и сладко потягиваюсь:

– Хорошо!

Какое-то время мы лежим молча. Потом я спрашиваю:

– Сделать тебе коктейль, пока ты будешь в душе? Мартини с соком? Или после такого ты предпочитаешь виски со льдом?

– Да, было неплохо.

– Значит, виски.

– Лучше пиво.

– Хочешь, чтобы вранье, которым ты пичкаешь жену, выглядело правдоподобно?

– Просто мне завтра на работу. Это у тебя отпуск.

– А когда ты собираешься отдыхать?

– Вот решу проблему, – он тяжело вздыхает. Момент, кажется, настал.

– Какую проблему?

– Я в душ.

Он пружинисто вскакивает. Любовь к спорту нас еще больше сближает. Он играет в теннис, я плаваю. Мне понравилось, как ловко он ушел от разговора, и очень не понравилось, что мое назначение и.о. ректора он называет проблемой. И тяжело при этом вздыхает.

В холодильнике есть пиво. Для Саши у меня всегда есть все, что он любит и может вдруг полюбить. Мы мыслим примерно одинаково, и мне легко его просчитать.

Я наливаю себе виски, ведь и в самом деле было хорошо, бросаю в стакан лед и иду выяснять, что так осложняет наши отношения.

– Меня удивляет твое спокойствие, – говорит он, потягивая пиво. – Ведь тебя подозревают в убийстве.

– Вот если бы я бегала по потолку, меня бы уже посадили. А так я ушла из кабинета следователя так же, как и вошла: в статусе свидетеля.

– Что конкретно сказал следователь? – Внимательный взгляд из-под длинных ресниц. Мне иногда даже кажется, что он их красит.

– Сказал, что обязательно меня посадит, – я беспечно улыбаюсь.

– Зачем было так рисковать?

– Ты же понимаешь, что другого шанса у меня нет. Кстати, не знаешь, кто прошел кастинг на должность и.о. ректора? Когда я ехала к Курбатову, все уже было решено. Я это поняла, – теперь уже я выстреливаю в чиновника-любовника, прикрывшись огромными ресницами. Мои-то уж точно накрашены. Отличная тушь, не осыпалась и не размазалась, пока мы тут кувыркались. Я потратила на ее поиски гораздо больше времени, чем трачу на охоту за очередным трофеем мужского пола.

Саша отводит глаза:

– Мы с Курбатовым не были приятелями. Мне он о своих планах не докладывал.

– А ты мог бы навести справки?

– Да зачем тебе это?

– Я хочу знать. – Мой голос тверд. Когда-то точь-в-точь таким тоном я говорила, в какой день и час жду его с готовым рефератом. И не дай бог ему просрочить. Он тут же ломается:

– Хорошо, я попробую. Кстати, как ты собираешься выкручиваться?

– Мне надо кого-то подставить.

– В смысле? – напрягается он.

Это не нравится мне еще больше, чем его ловкий уход от разговора о моем назначении. Интересная игра: я знаю, что ты знаешь. Мои худшие подозрения, похоже, оправдались. Что с него взять? Приемный сын гиены!

– Хорошо, просто расскажи мне о человеке из министерства.

– Да я его почти не знаю, – отнекивается мой Саша.

– Ты врешь, моя радость, – ласково говорю я. – Могу поверить, что вы с Курбатовым были едва знакомы, но в жизни не поверю в то, что кандидатуру от министерства не согласовали с тобой.

– Он чей-то родственник, – мямлит Саша.

– Чей?

– Гера, может, мы найдем другой способ?

– Не поняла?

– Не надо никого подставлять.

– Ты предлагаешь мне сесть в тюрьму? – расхохоталась я.

– Ну зачем же? – он опять отводит глаза.

Я понимаю, что пора менять тему разговора. Саша чиновник. А от чиновника никогда ничего не добьешься в лобовой атаке. Даже элементарная взятка – многоходовая комбинация. Когда учредят Институт коррупции, на факультете Откатинга будет целая кафедра, которую так и назовут: Взятка. Мой Саша запросто может стать доктором коррупционных наук. А я хочу взять его голыми руками!

Голыми руками надо браться за другое место. А лучше ртом. Тогда Саша очень легко идет на сделку. Он ко мне за этим и приезжает: за сексом. Мы образуем доминантную пару, которая могла бы править миром, не будь он сыном гиены.

Получить должность ректора, будучи женщиной, не имея при этом влиятельного мужа, родителей голубых кровей и огромные деньги на банковских счетах, можно только путем интриг. Это высший пилотаж. Саша будет сопротивляться изо всех сил. Но мне надо его переиграть. Показать, где его место. Поэтому от лобовой атаки я уклоняюсь первой. Пусть думает, что поле боя осталось за ним. Что я легла под него, вот как сейчас, и обслуживаю его потребности.

– Твои соседи еще не переезжают? – шепчет он, когда я слишком уж громко вскрикиваю.

– Нет… продают билеты… вечерний сеанс дороже…

– Почему? – Он кусает мочку моего уха.

Вместо ответа я сжимаю его ногами и буквально вдавливаю в себя. Мышцы влагалища становятся стальными, его член, как в клещах. Теперь кричит он. И тогда я внезапно его отпускаю.

У соседей сегодня должен быть неплохой барыш. Когда мы встречаемся, они опускают глаза, а я, напротив, гордо вскидываю подбородок.

– Теперь моя очередь первой идти в душ!

Он легко уступает. Я же, включив воду, на цыпочках иду к дверям спальни. Так и есть: сын гиены звонит по мобильному телефону.

– Ничего не получилось. Баба упертая, я знаю ее много лет. И как мы ее будем ломать? Она все равно не признается. Хорошо, я понял. Ситуация непростая. Я тебя услышал. Все, не могу больше разговаривать. До завтра.

Я возвращаюсь мокрая и счастливая. Скоро меня опять вызовут к следователю. И я знаю, о чем будет разговор. Предупрежден – значит вооружен.

– Ну что, еще разок? – весело спрашиваю я Сашу.

– Тебе что, мало?

– Я ведь не знаю, когда мы еще увидимся. И увидимся ли? Вдруг меня посадят?

– Обойдется.

Он целует меня в нос. В его голосе грусть. Я много для него значу, но на него давят. Если бы был какой-то другой способ…

– Гера, а если замять дело с помощью взятки? Я знаю, у тебя есть деньги…

– За самооборону выдать не получится. Ну неужели мне сказать, будто он хотел меня изнасиловать? А я, как знала, приехала с пистолетом! Если бы это случилось у меня дома, то да. Но брать на любовное свидание оружие – это круто даже для меня.

– Ладно, мы что-нибудь придумаем.

– Непременно.

Я уже придумала. И тебе, милый, это не понравится. Но ты не оставил мне выбора.

Львенок

У гиен два врага: львы и собаки. Приручить льва – дело непростое. Но он еще не лев. Львенок. Мой Ярослав Борисович Глебов. Ему так не терпится меня посадить, что и недели не проходит после нашей первой встречи, как я получаю очередное приглашение. Поскольку я знаю, о чем пойдет разговор, я к нему готова.

– Здравствуйте, Георгина Георгиевна! Проходите, присаживайтесь! – выстреливает он. Ни одного прокола! Даже мое имя-отчество произнес без запинки! Способный ученик! Начало многообещающее.

Я сажусь и скромно натягиваю юбку на колени. На мне ажурные летние сапоги на высоченном каблуке, а ноги у меня очень красивые. Мужчина не может этого не заметить.

– В деле открылись новые обстоятельства! – откровенно радуется Ярослав, извините, Борисович.

– Объявились свидетели, – говорю я с усмешкой.

– А вы откуда знаете? – он ошарашен. – Вам что, известно, что вас видели?

– Поскольку я не отрицаю, что вечером двадцатого июня была в доме у Курбатова, то, разумеется, меня могли видеть. Вряд ли соседи. Полагаю, гастарбайтеры. Молдаване, так?

Поселок, где жил Курбатов, элитный. Не думаю, что там нанимают узбеков. А молдаване замечательно кладут плитку. Я знаю, что в одном из домов идут отделочные работы, поэтому молдаване.

– Так вы тоже их видели?!

– Раз они видели меня, почему я не могла видеть их? На зрение не жалуюсь. Мало того, у меня дальнозоркость. Ведь я старая жопа.

– Мы с вами, кажется, договорились, что вы будет вести себя как подобает!

– То есть не материться? А вы, Ярослав? Вы знаете плохие слова или только хорошие?

– Я на работе нахожусь!

– А я нет. Приходите ко мне на работу и сможете убедиться в том, что я всегда соблюдаю правила хорошего тона.

– Господи, вы же интеллигентная женщина! Ученый! Доктор не каких-нибудь там, а педагогических наук! Педагогических!

– Что, по-вашему, несовместимо с употреблением ненормативной лексики?

– Разумеется!

– Как вы ошибаетесь! Матерятся все, причем люди интеллигентных профессий так же охотно выпускают пар, как и укладчики шпал. В московских пробках научится материться лауреат конкурса имени Чайковского и романтический поэт, девочка-скрипачка и рафинированная дама, чьи предки голубых кровей

веками носили графский титул. Суть нашей теперешней жизни невозможно выразить нормальными словами. Зато есть одно словечко, которое подходит в точности. Это полный…

– Замолчите!

– Молчу, молчу… – Я демонстративно зажала ладошкой рот. Ишь! Неприличные слова ему не нравятся! А как я еще могу выразить свое отношение к тому, что со мной происходит? Каким таким словом? Пятнадцать лет за решеткой! Это и есть полный… Молчу-молчу.

– Вы считаете ваше поведение нормальным?

– Абсолютно.

– Нормальные людей не убивают.

– Но я никого и не убивала.

– А вот свидетели утверждают обратное.

– Зовите.

– Как? Вы знаете, что они здесь? Вы их видели?

Я не стала говорить ему, что сейчас увижу этих людей впервые. Им заплатили. Или запугали. Они будут врать. Ну, так я вру лучше.

Они вошли, тонкий и толстый. Большой и маленький. Лица загорели до черноты. Негры прямо, а не молдаване! Застыли в дверях. Не ожидали, что я так выгляжу? Вам сказали: доктор педагогических наук, по возрасту в бабки годится. У меня и в самом деле могли бы уже быть внуки. Если бы у меня были дети. Но у меня нет детей, и я не бабка. Я никогда не выглядела как бабка. И даже как тетка. Ко мне до сих пор обращаются: девушка.

Увидев вместо педагогини девушку, они растерялись. Что же им мое фото не показали? Судя по тому, что и недели не прошло, сценарий написан небрежно.

Главная улика – пистолет. Остальное – детали.

«Детали» явно мялись и к разговору были не готовы.

– Садитесь, – раздраженно сказал Ярослав Борисович. Я его все-таки подзавела.

Они присели, оба на самые краешки стульев. И заерзали, косясь на мои ноги. Сколько они уже без женщин? Все их жесты выдают крайнюю неуверенность в себе. Я нарочно развернулась всем корпусом, отодвинулась от стола и выставила на обозрение ноги в ажурных сапогах.

– Вам знакома эта женщина? – спросил Глебов.

Толстый покосился на мои коленки и судорожно сглотнул:

– Точно так, начальник.

– Обращайтесь ко мне: гражданин следователь. Или Ярослав Борисович. Так вы ее видели?

Оба кивнули.

– Опишите, как, когда, при каких обстоятельствах.

– Да с месяц назад, – сказал один.

– Двадцатого июня, – выпалил другой. Я сразу поняла, что он идиот законченный, в отличие от первого, находящегося по своему умственному развитию в умеренной степени идиотизма.

– Вы так точно запомнили дату? – насторожился Глебов.

– Так нам это… того… Зарплату в тот день давали! – переглянувшись с товарищем, сказал умеренный идиот.

– Хорошо. Где вы видели эту женщину?

– Мы на стройке работаем, – затянул тонкий. – Живем там, начальник Ярослав Борисович. Приезжие мы. Регистрация есть, не сомневайтесь. Хозяин у нас хороший…

– Переходите к делу, – нетерпеливо сказал Глебов. Мальчишка, да дай ты им к ногам моим привыкнуть, а то ляпнут чего не то.

– Так вот, отработали мы, аванс получили и двинули в магазин. А в конце улицы богатый дом стоит.

– Триста пятьдесят квадратных метров,?– кивнул толстый.

– Вы что, его измеряли? – не удержался Глебов.

– Мы ж строители! – обиделись они.?– Там горячие полы во всех трех ванных и плитка цвета карамель со сливками внизу на кухне.

– Вы что, там были?

– А как же!

Я кусала губы, чтобы не рассмеяться. Свидетели! Значит, вас водили в дом Курбатова. Там и давали инструкции.

– И что было двадцатого июня?

– Так это… – тонкий скосил взгляд на мои коленки. – Убийство было.

– Кого убили? Кто?

– Да вот эта баба, – кивок на мои сапоги, – хозяина грохнула.

– Вы это видели?

– А как же! В окошке свет горел. Вот и мы подошли.

– Зачем?

– Так это… кричали!

– А почему полицию не вызвали?

– Так мы это… вызвали.

– Вечером двадцатого июня звонок в дежурную часть не поступал, – сказал Глебов, заглянув в свои бумаги. – Труп нашел сын потерпевшего уже под утро, когда вернулся из ночного клуба.

– Мы хотели вызвать, – нашелся тонкий. – Но потом подумали: кто ж нам поверит? Уж если будут копать…

– В смысле искать убийцу?

– Точно, начальник Ярослав Борисович.

– Вы видели, как она стреляла?

– А как же!

– Что на мне было надето? – спросила я.

Они растерянно переглянулись.

– Че-то я не понял… – протянул толстый.

– Из одежды что? Юбка, брюки?

– Да мы тебя, дамочка, не рассматривали, не до того было.

– Я понимаю, что вы мужчины. Женская одежда не ваш конек. И ситуация двусмысленная. Поэтому я и не прошу подробностей. Простой вопрос: юбка или брюки?

– В самом деле, – встрял Глебов. – Подробностей не надо. Но юбка или брюки… Кто-то из вас должен был это запомнить.

Я положила ногу на ногу.

– Юбка, – сглотнув, сказал тонкий. Толстый промолчал.

Они меня не видели. И никто, похоже, не видел. Дом на отшибе, я въехала прямо во двор, ворота были открыты. В этом мое счастье. Меня никто не видел. Я достала из сумочки конверт:

– Вот запись с видеокамеры. Я скопировала ее на флэшку.

– С какой видеокамеры? – растерялся Глебов.

– Дом, в котором я живу, по всему периметру оборудован видеокамерами, – терпеливо пояснила я. – В целях безопасности. Во втором подъезде круглосуточно дежурят сотрудники вневедомственной охраны. Договор прилагается к записи. Каждый жилец имеет право снять запись с видеокамеры в своем подъезде. Это также отмечено в договоре. Запись, которую я вам вручаю под расписку, разумеется, слегка размытая, но на ней четко видно, что женщина, похожая на меня, одета в брюки. На всякий случай: у меня есть копия. Надеюсь, вы запротоколировали показания этих двух «свидетелей»? – я кивнула на растерявшихся молдаван.

– Зачем вы привезли сюда эту запись? – оторопел Глебов. – Зачем вы вообще сняли ее с видеокамеры?

– Потому что сегодня ее уже нет. Камеру кто-то сломал. Как хорошо, что я сняла запись почти неделей раньше!

– Как… как вам это удалось?

– Я просто не люблю вранья, – сказала я насмешливо. – Я уж не говорю, что Курбатова застрелили в рабочем кабинете на втором этаже. А вы, ребятки, «в окошко заглянули и увидели». Лестницу, что ли, подставили? И где вы ее взяли? С собой принесли? Никогда не слышала, чтобы в магазин люди ходили со

стремянкой. Хотя… Вдруг халтура по пути подвернется? Да вы предусмотрительны, ребятки.

Повисла напряженная пауза.

– Нам-то что делать, начальник? – робко спросил тонкий.

– Вон отсюда! Пока я вас за лжесвидетельство не посадил! – заорал Глебов.

Мужики как ошпаренные выскочили из кабинета.

– Еще свидетели есть? – спросила я.

– А у вас? Что еще есть, кроме этой записи? Я вижу, вы хорошо подготовились.

– Я всего лишь защищаюсь. Вы зовите сюда своих свидетелей, а я буду искать в своей сумочке аргументы, чтобы разбить их показания. Я ведь не знаю, кто у вас еще есть. Это, – я кивнула на дверь, – было легко. Но я в вас верю, Ярослав.

– Борисович, – машинально поправил он.

– Вы облажались, поэтому просто Ярослав.

– Прекратите! – он вскочил. – Вы испортили все… своими ногами! Вы зачем так одеваетесь?!

– Я не знала, кто будет. Не знала, что мужчины. Оделась так исключительно для вас. Я вас соблазняю, вы что, не видите?

– Идите домой, – сказал он сдавленно.

Я не стала спорить. Но в коридоре задержалась. Села на стул и достала из сумочки пудреницу и блеск для губ. Когда он вышел из кабинета, я красила губы. Он покраснел, как рак:

– Вы еще здесь?

– Да. Отдыхаю.

– Я тоже хочу от вас отдохнуть!

Он запер кабинет и ринулся в конец коридора, где нырнул в какую-то дверь. Я не спеша двинулась следом. Обожаю подслушивать. А здесь даже дверь была не заперта. Словно нарочно для моих ушей приоткрыта сантиметров на десять. Я с любопытством заглянула в щель.

– Что она о себе воображает?! Подумаешь, доктор наук! Самая умная, да? Да я в шоке! Доктор наук! Педагогических!!! А ведет себя как проститутка! Матерится! Одевается как блядь! Строит мне глазки! – надрывался Глебов.

И тут вошла я.

– Ярослав, – я стрельнула глазками в слушателей, – Борисович. Мне надо сказать вам что-то очень важное. Я вспомнила.

Я взяла его за руку и вывела в коридор. Он даже не сопротивлялся. По дороге я отобрала у него ключ. Информация была такая важная, что мне не терпелось. Его щеки горели от стыда, ведь он наговорил обо мне черт знает что, а я вся пылала от вожделения. Вела его, как на поводке, и он был ручным, потому что облажался. Войдя в кабинет, я свободной рукой повернула в замке ключ.

– Что вы делаете? – сдавленно спросил Глебов. – Отпустите меня немедленно.

Я разжала руку, но тут же нашла ей другое применение. Обожаю мужчин, которые знакомятся с моим телом впервые. Мягкое и теплое на ощупь, и в то же время стальное, налитое силой, потому что каждая мышца обкатана на тренажерах, оно мгновенно берет в плен.

Эти стены видали всякое, животный страх, раскаяние, слезы. Счастливый смех, когда проблема разрешалась. Но ТАКОГО здесь еще не было. Этот стол всегда использовали по прямому назначению. На него клали протоколы. Папки с подшитыми в них важными документами. На нем писали, по нему шлепали печатями, иногда за дело брался дырокол, и тогда удары были сильнее и громче. Но еще ни разу здесь не лежала такая весомая улика, как голая женщина.

Я устроила допрос с пристрастием. Мои губы жгли, как раскаленные угли, и мой мальчик застонал от боли и страха. Но под пытками ломаются все. Он тоже сдался. Ажурные сапоги легли ему на плечи. За пять минут я решила все свои проблемы.

– Георгина Георгиевна… вы… – он запнулся. Не на моем нелегком имени-отчестве, а потому, что не знал, что сказать.

Я молча стала застегивать на нем рубашку. Пригладила волосы, поцеловала в губы и легко соскочила со стола. Мне было проще: одернула юбку, а трусики засунула в сумку.

– Я дам тебе время. Ты обо всем, как следует, подумаешь, а потом позвонишь мне.

– Скажите честно… вы его убили и… Вам надо отмазаться! – выпалил он.

– Именно так.

Дверь за собой я закрыла бережно. Львы не дружат с гиенами, но львята… Они такие мягкие, от них исходит молочный сладкий запах, и именно из тех, кто в детстве дружил с гиенами, вырастают настоящие львы.

Я вышла, ловя на себе заинтересованные взгляды. Когда я приду сюда в следующий раз, уже буду не просто проходной пешкой, а королевой. Он ведь не удержится, похвастается. И каждый из этих мужчин подумает: на его месте мог быть я. Их жизнь, в сущности, такая скучная, серая. Ну, секс с потасканной проституткой на сдвинутых стульях или на продавленном диване в прокуренной тесной комнате. А тут доктор наук! Да еще и педагогических! Представляете, как это повышает самооценку?!

Саша, я поставила тебе мат. Ты еще об этом не знаешь, комбинация многоходовая. Но ты узнаешь. Приемный сын гиены проиграет львенку, которого я на него натравлю.

Но сначала надо найти подходящую кандидатуру на роль убийцы.

В списке, кроме меня, четверо. Обозначу их условно: Антилопа, Зебра, Тростниковая крыса и Баран. Это животные, которыми питается гиена.

И кто из них вкуснее?

Загонщики

Начнем по алфавиту.

А. Антилопа. Жена ББ. Она и в самом деле смахивает на это грациозное животное. Породиста и трепетна, ездит на голубом «Бентли» и предпочитает одежду от Шанель. Ее солнцезащитные очки с крупными жемчужинами на дужках меня впечатлили. Мы раньше не виделись, и вот она – выплывает из «Бентли» в этих шикарных очках, высоченная, еще бы, на двенадцатисантиметровых каблуках! И такая тонкая, что я испугалась. Ветер сильный, она вот-вот переломится, и на роковые ступени рухнут осколки счастья ББ.

Надо ей позвонить. Она будет рада посплетничать. Ей очень скучно, а теперь в особенности. Надо все начинать сначала. ББ придется искать, кому всучить взятку. Сейчас я наберу номер…

Но я не успела этого сделать. Зазвонил мой собственный телефон. Я, конечно, ожидала, что это случится, но чтобы так быстро…

– Георгина Георгиевна, могу я вас видеть?

Ах, ты, мой мальчик. Мой очаровательный львенок.

– Хорошо, я приеду.

– Нет, нет! Ко мне на работу приезжать не надо! Давайте встретимся где-нибудь в кафе.

– Я согласна.

К моему удивлению, он назвал вполне достойное заведение на Тверской, а не какую-нибудь чебуречную. И это был не последний сюрприз, который меня ждал.

Он приехал первым, я для приличия опоздала на пятнадцать минут. Он заметно нервничал. В вазе на столе стоял букет цветов, такой же милый и полный шарма, как это кафе.

– То, что между нами произошло,?– он потянулся к стакану с минеральной водой. – Извините.

– Все в порядке, продолжай.

Он глотнул воды и прокашлялся, сказав еще раз свое очаровательное «извините». Потом наконец решился:

– Я превысил служебные полномочия.

– Да, было такое. Но мне понравилось.

– Это грозит мне увольнением.

– Не так сразу.

– Да, работать некому, но вы должны понимать: я подставился. Теперь я вынужден вам помогать.

– Если тебе не трудно. – Я потянулась к чашке с отличным кофе. Его запах сводил меня с ума, как и сидевший напротив мужчина. И пирожные здесь вкусные.

– Но выход есть. Меня простят, если все будет в рамках закона. То есть я на вполне законных основаниях попрошу отстранить меня от расследования. Я на вас женюсь.

Я чуть со стула не упала! А я-то воображала, что знаю мужчин! Но они не перестают преподносить мне сюрпризы!

– Слава, сколько тебе лет? Я думаю, двадцать пять.

– Двадцать шесть, – сказал он, порозовев. Вопрос был с подвохом.

– А как ты думаешь, сколько лет мне?

– Ну, лет тридцать, – он слегка замялся и, видя, что я улыбаюсь, поправился: – Тридцать пять.

– Я выгляжу на тридцать пять. И тщательно прячу паспорт, чтобы мужчины, с которыми я встречаюсь, не узнали правду. Но сегодня он случайно у меня с собой. Вот, взгляни, – я протянула ему документ. – Обрати внимание на дату рождения. Это подлинник.

– Господи! – ахнул он.

– Теперь ты понимаешь, что это невозможно. Наша свадьба.

– Я, конечно, предполагал… Но… так много, – жалобно сказал он. – Нет, это ошибка.

– Ты же заполнял протокол.

– Я думал, вы пошутили. Что вы меня доводите. Прикидываетесь дряхлой старухой. Господи, как? Как вам это удается?!

– Выглядеть на тридцать пять? У меня хорошая генетика, – я глотнула кофе. ?– Ураганный обмен веществ. Высокий уровень прогестерона. А вообще, это тяжкий труд. Если бы ты был женщиной, я бы тебе объяснила в подробностях. У меня нет детей, поэтому достаточно времени заниматься собой.

– У вас это… Ну, за ушами, – он потрогал пальцами свои очаровательные ушки, ушки львенка.

– Шрамы от подтяжек? – Я чуть не расхохоталась. – Нет, до этого пока не дошло.

– Я вам не верю, – решительно сказал он. – Вы все время врете.

– Хорошо, я расскажу. Я встаю в шесть утра. Долго и тщательно привожу в порядок лицо. Потом еду в бассейн. После сорока минут интенсивного плавания мажу все тело кремом со спермой. Где я ее беру – отдельная история. Ее я тебе тоже расскажу, – я нежно посмотрела на его губы. ?– Днем делаю специальную гимнастику. У меня растяжка – горизонтальный шпагат. Каждый день – упражнения с гантелями. Я не курю, пью красное вино в рекомендуемых врачами дозах и регулярно посещаю косметолога. Еще я дважды в год делаю уколы красоты. Месячный курс.

– Ботокс, что ли? – поежился он.

– Ботокс – это вчерашний день. Слишком заметно. Есть гораздо более современные средства. Приходится, конечно, потерпеть. Процедура чрезвычайно болезненная. В общем, моя жизнь кошмар, который длится с восхода до заката. Жесткая диета, самодисциплина, – сказала я, с аппетитом откусив пирожное.

– А зачем такие сложности?

– Чтобы двадцатилетние мальчики делали мне предложение. Кстати, цветы красивые.

Он задумался. Видимо, производил подсчеты. Двадцать лет разницы в возрасте – это существенно. Он вполне мог быть моим сыном.

– Значит, вы еще можете иметь детей?

Я чуть не поперхнулась, но ответила бодро:

– Вполне!

– Мама, конечно, будет в шоке, ну да ладно. Родим ребенка, она обрадуется и все забудет.

– А чем тебя не устраивает роль моего любовника?

– Ну, как вы не понимаете! Я же хочу по закону! Я следователь, понимаете?

– Это да.

– Женитьба, конечно, не входила в мои планы, но раз уж так случилось…

Я давилась от смеха и, чтобы он этого не заметил, отчаянно пила кофе.

– Знаете, Георгина Георгиевна, вы мне сразу понравились.

– Да так, что ты решил засадить меня в тюрьму, – с улыбкой напомнила я.

– Это от страха.

– Ты меня боишься?

– Да. То есть теперь уже нет.

Господи, да у него веснушки! Когда он краснеет, они становятся рыжими! У меня внутри все оборвалось.

Я положила ладонь на его руку:

– Поедем ко мне?

– Зачем?

– Узаконим наши отношения. Ведь один раз не считается?

– А вы одна живете?

– Да.

– Тогда ладно.

Я и в самом деле живу одна. Мужчины приходят и уходят, и мы с зеркалом остаемся один на один. И каждый раз я мучительно думаю: сколько мне еще осталось? Моя красота истончается, губы вянут, волосы тускнеют, глаза западают. Разумеется, есть средства. Одно из них – молодые любовники.

На этот раз все еще лучше, чем у него в кабинете, наспех. Даже лучше, чем с Сашей. Я не показываю львенку сразу весь арсенал. Иначе он сойдет с ума. Это все равно что без подготовки швырнуть дикаря в открытый космос. Он-то считал, что Земля плоская и покоится на трех китах. Открытия надо делать постепенно.

У львенка еще не было женщины. Были девочки, жадные в погоне за своими удовольствиями. Девочки, которые еще не выучили нужные слова и не в состоянии понять, почему вдруг первое свидание оказывается и последним. А вот я их знаю, эти слова. Он потрясен внезапно открывшимся талантом любовника. И позабыл, кем он был раньше. Кажется, следователем? Ох, что будет!

Мы проводим в постели два часа. Он постепенно накачивает меня спермой, а я его алкоголем. Ему надо хорошенько забыть все, что сегодня здесь произошло. Когда он поедет домой, его голова будет в тумане, он еще какое-то время будет безумно и бездумно счастлив.

– Я тебя люблю…

А вот это лишнее. Я пока ничего такого не сделала. Два часа исключительно на страсти, не на технике. Я использовала лишь новизну ощущений.

– Какой у тебя животик… – он трогает пальцем мой стальной пресс. – И талия… – Оглаживает меня, словно пытаясь запомнить формы моего тела, напоминающего гитару. Она прекрасно звучит, потому что я часто зову настройщика.

Но мне надо прервать серенаду в свою честь, чтобы получить важнейшую информацию. Нужно выбирать момент…

– Ты тоже красивый.

Ему бы подкачаться. Они что, не занимаются физической подготовкой в своем Следственном комитете? Он хотя бы стрелять умеет? Для меня это важно, кто знает, как жизнь сложится? Вдруг нам придется уходить от погони?

– Зачем ты только его убила?! Хотя… если бы ты его не убила, мы бы не встретились.

Вот он, момент!

– Милый… Этот Курбатов… Он был очень плохим человеком.

– Да, – короткий вздох, – все так говорят.

– А что они говорят?

– Гад, сволочь, самодур. Откатывали ему. Закон нарушал. Вот, к примеру, Гаврилкова…

Гаврилкова – это Антилопа. Жена ББ. Поэтому я вся превращаюсь в слух.

– Она же не работала в универе. Вообще, похоже, нигде не работала. Как она умудрилась защититься, не понимаю. Но все положенные документы в Ученый совет представила.

А как нас это удивило! Нас, это Ученый совет, в который вхожу и я. И я в университете вот уже четверть века, да прибавьте сюда годы учебы. Я прошла весь путь от аспирантки до декана факультета, на котором училась. Занималась научной работой, писала статьи и монографии в толстые скучные журналы, издавала учебники, по которым сейчас учатся студенты. У меня правую руку судорогой сводило от всей этой писанины. Потом от мыши, потому что на смену печатной машинке пришли компьютеры, затем ноуты и под конец айфоны. И та же правая рука – владыка. Я все сделала сама, хотя тоже могла бы использовать мужчин. Но у меня железные принципы. Я не продаюсь. Я никогда не беру у мужчин деньги.

И тут приезжает какая-то фифа в очках от Шанель… И у нее университетский диплом, докторская степень, куча монографий, где она числится в соавторах, и всем понятно, что это куплено. Она палец о палец не ударила, все сделали деньги ее ошеломляюще богатого супруга, который не горбом своим их заработал, просто оказался в нужном месте в нужное время. За такой короткий срок миллиардерами становятся только воры. А я все заработала сама. Потом и кровью. И ее шансы на должность ректора – вы только подумайте! – на порядок выше, чем у меня! Она бы уже им стала, если бы не встрял другой папик со своей бабой!

Должна быть справедливость. Во имя нашей науки, которую и так уже развалили. Которую точит ржа коррупции и куда талантам скоро просто не дадут хода. Если так дело пойдет дальше, это будет наука для богатых, докторская степень только для тех, кто сможет за нее заплатить. А как же талантливые самородки? Как же энтузиасты, проводящие испытания двигателя нового типа у себя в гараже? Делающие гениальные открытия, которые не замечают лишь потому, что авторы не члены прикормленного сообщества? Наука это не бизнес, то есть нельзя делать из нее бизнес. Хватит уже. Приплыли. Пора оттолкнуться от мертвого берега и отправиться открывать новые континенты.

Нельзя пускать на ключевые посты животных, таких как эта Гаврилкова. Потому что у нее мозги антилопы. Львы и гиены будут гонять ее по условно вверенной ей территории, резать ее сородичей, как овец, устанавливать свои порядки. В конце концов, на этом жирном куске подмосковной земли построят еще один микрорайон, а университет вообще перестанет существовать. Многоэтажки облепят бывшие жители горных аулов или бывшие собиратели хлопка, а еще хуже, африканцы, которые в легкую здесь натурализуются, и вы сами прекрасно знаете, что будет дальше. Наркотики, проституция, педофилия. Раковая опухоль стремительно начнет разрастаться. В конце концов на месте бывшего храма науки разверзнется клоака.

Но я не отступлю.

– Алина Евгеньевна – женщина редкой красоты, – говорю я с улыбкой. – Немного глупа, но этот недостаток у красивой женщины превращается в достоинство.

– Тебе очень идет быть умной, – горячится он.

Слава богу, мы перешли на ты. Я зову его Славой, он меня пока никак не зовет. Хорошо, что не мамой. Надо будет заглянуть в его мобильник: под каким именем я там прохожу?

– Какими бы сомнительными ни были достижения Гаврилковой в науке, ее почти уже утвердили, – забрасываю я пробный шар.

– Я понимаю, почему ты его застрелила. Ты об этом знала, потому и взяла с собой пистолет?

– Знала о чем?

– Что он решил поддержать кандидатуру Гаврилковой.

Вот оно как. Победила все-таки жадность.

– Это она тебе сказала?

– Да. Хотя то же самое о себе говорит Людмила Ивановна.

Людмила Ивановна – это жена БЧ. Она-то как раз училась в нашем институте, но в аспирантуру поступила поздно, был большой перерыв, на время которого она представила справку, что работала по специальности. Подозреваю, что справка липовая. Когда у мужа начала складываться карьера, Людмилу Ивановну пристроили в аспирантуру, прикрепив к научному руководителю, соратнику по партии. Бывшей, нынешней, неважно, главное, ведущей и направляющей. И понеслось! Аспирантура с отличием, кандидатский минимум, одна диссертация, другая… Научный руководитель пахал как слон. Социология – это наука бывших партийных боссов, куда широко открыта дорога боссам нынешним. Дворняжек там не привечают, да и дорого это, быть доктором социологических наук. Надо иметь, во-первых, связи, во-вторых, средства. Ценные подарки, деньги в конвертах – все это не только приветствуется, а обязательно. Готовя к защите Людмилу Ивановну, соратники по партии очень старались: встречались, совещались, разумеется, под хорошую закуску.

Сама Людмила Ивановна в это время вела за собой университетский профком, общественная работа поглощала все ее личное время, поэтому лекций

студентам она не читала. Даже по бумажке. Ее научная степень тоже чистая липа, но защита прошла на ура. И докторская диссертация была блестящей, хотя все знали, что не жена БЧ ее написала. Но защиту обставили грамотно, оппонировали свои же, которым написали «рыбу», что и как говорить, дабы не испугать персону. Самой персоне, то бишь Людмиле Ивановне, тоже все написали, от первого до последнего слова, которые почти без запинки она прочитала по бумажке. Создалась видимость дискуссии, и как итог – единогласное одобрение. Людмила Ивановна и так была «своя», докторская степень стала лишь подтверждением принадлежности дамы к привилегированной касте. Наука социология прекрасно это объясняет. Как раз стратификация была надежным ленточным фундаментом этой блестящей докторской.

– Благодарю моего научного руководителя за чуткое руководство, благодарю моих оппонентов за то, что взяли на себя труд ознакомиться с моей работой, благодарю ректорат, диссертационный совет, его председателя, всех коллег, принимавших участие в дискуссии… – оттарабанила Людмила Ивановна без запинки в заключительном слове, проголосовали – и пошли пить. Аллилуйя!

Поддержи Курбатов именно Людмилу Ивановну, все поморщились бы, но проглотили. Понятно, что дура дурой, от науки далека, как Сатурн от Солнца, даже зачатки разума там невозможны, поскольку невозможна сама жизнь. Но ректор и не должен быть блестящим ученым, это отвлекает. Предпочтительнее хороший хозяйственник. Господи, что деньги с людьми делают!

С другой стороны…

– Значит, обе они говорят, что ректор выбрал их?

– Точно.

– Но это означает, что одна из них врет.

Львенок всерьез задумался.

– Ты не придал этому значения, потому что сразу было понятно, кто убийца. Так?

– У тебя железная логика! – с восхищением сказал он.

– Если ты не хочешь, чтобы я села в тюрьму, нам надо найти кого-нибудь другого.

– Посадить Гаврилкову?! – Он аж в лице изменился.

– Хотя бы подставить. Ее муж замнет дело, не сомневайся. Славик, милый, надо всех запутать.

– Это сложно, – покачал головой он. – Алина Евгеньевна приехала первой. И когда выходила от Курбатова, столкнулась с Людмилой Ивановной. Та может подтвердить, что ректор был жив. Не клеится.

– Да, не клеится, – согласилась я. По крайней мере, теперь мне понятна последовательность событий.

Сначала приехала жена ББ, потом жена БЧ. Означает ли это, что Курбатов выбрал первую и деньги ее супруга, а не связи большого чиновника?

– Ты должен повторно вызвать на допрос обеих. И выяснить, кто из них врет.

– Но… Как можно обвинять невиновного человека? – жалобно сказал львенок. – Ведь это же… неправильно. Некрасиво.

– Ты уже переступил черту, когда занимался со мной сексом на рабочем месте. Это и ужасно, и неправильно. Не скажу некрасиво. Коллегам твоим понравилось?

– Да, я хотел извиниться…

– Не стоит. Ведь ты на мне женишься, – с насмешкой протянула я. – Секс с невестой простителен, даже на рабочем столе. Дело молодое. Слава, я даю тебе задание, – произнесла я серьезно. – Тряси их как хочешь, но пусть они скажут правду. От этого зависит моя свобода. Нам нужен идеальный кандидат, понимаешь? Человек, который совершил наибольшее количество ошибок, следовательно, является самым уязвимым. Найди мне его.

Он чуть не заплакал:

– Может, лучше, я буду ездить к тебе на зону? Мы станем встречаться… Я договорюсь…

Я знала, чем осушить его слезы. Своими губами. Я в который раз убедила его в том, что он потрясающий любовник, поэтому я никак не могу встречаться с ним раз в месяц, или даже в год, в убогой комнате, где приник к глазку любопытный конвойный. Нет, только здесь, на шелковых простынях, в мягком свете бра, золотящем его львиную гриву и мою загорелую кожу. В облаке духов, в тумане, которым окутал наше сознание элитный виски. Только здесь. В крайнем случае в номере пятизвездочного отеля, на берегу синего-синего моря, где мы бы отчаянно целовались, а потом нежились в шезлонгах на огромной веранде, мешая осевшую на губах соль с текилой. Любовь бывает долгая, как концерт симфонической музыки, а бывает короткая, как песня. От этого зависит антураж, которым ее надо обставить. Концерт – вещь правильная и утомительная, в несколько отделений, зато он, безусловно, обогащает внутренний мир. Его и помнят дольше. Надо же, сколько часов высидел! А песня… Она и есть песня. Было в жизни что-то прекрасное, короткое, легкое, сладкое на слух: лю-бо-вь… Было и прошло. Отзвенело. Теперь в шкафу пылится запись, которую иной раз неплохо бы достать, прослушать, оценить качество и чистоту звучания. Комната для свиданий на зоне? Бр-р-р… Нет, тюремный романс не по мне. Я так не хочу.

– Я так не хочу, Слава,?– заявила я ему.?– Я не буду сидеть сложа руки. Звони, – я протянула ему телефон.

– Как? Сейчас?

– Еще не поздно. Уверяю тебя, дамы не спят.

– Что я должен сказать? – сломался он.

– Назначь им свидание. Обеим.

– Свидание?

– Допрос. У себя в кабинете. Скажи, что открылись новые обстоятельства.

– А… какие?

– Мы их придумаем. Чуть позже. – Я нежно посмотрела на него. – Главное, сделай так, чтобы они приехали. Они должны столкнуться в дверях твоего кабинета. Одна вошла, другая вышла. Повторно смоделируем ситуацию. Посмотрим, кто из них врет.

Он стал набирать номер. Первой, как ни странно, мой Слава позвонил Людмиле Ивановне. Я забеспокоилась. Алина Евгеньевна и в самом деле очень красивая женщина. И гораздо моложе меня. Вот ей действительно тридцать пять. По паспорту. Не проморгала ли я появившуюся в моей стае альфа-самку? А я-то ее: Антилопа!

– Людмила Ивановна? Это Глебов. Совершенно верно, следователь. Я не поздно звоню? Вот и замечательно! – Львенок глянул на меня и приободрился.?– Вы не могли бы ко мне приехать? Как можно раньше. Хоть завтра. Завтра не можете… Тогда послезавтра. Вот и отлично! Часиков в… Во сколько вы можете? Хорошо, в пять. Я вас жду, Людмила Ивановна. В деле открылись новые обстоятельства.

Он дал отбой и коротко вздохнул.

– Ты с ума сошел! – возмутилась я. – Ты вообще кто?! Хвостиком виляешь, будто пес в ее конуре. Она тебе не хозяйка. Ты – должностное лицо. Расследующее, между прочим, убийство. Удивляюсь, как тебе вообще это поручили?

– Дело-то очевидное, – вздохнул мой мальчик.

– Теперь понятно. Работа не пыльная, с ней и юнец справится. Давай, звони Гаврилковой. Только не таким тоном с ней говори. Жестко.

Он кивнул и стал тыкать пальцем в кнопки.

– Алло, это Алина Евгеньевна? Глебов звонит, – поскольку я гневно на него смотрела, его голос был отрывистым и сухим. – В деле Курбатова открылись новые обстоятельства, поэтому мне необходимо еще раз вас допросить. Я жду вас послезавтра в шесть часов вечера в своем кабинете. Что значит, не можете? Надо отложить все дела и приехать. Это в ваших же интересах. Я жду. До

свидания, – сказал он и дал отбой.

– Молодец,?– похвалила я.

– Она не приедет. Сказала, что не может.

– Это уже не твоя забота.

Я получила от него все что хотела, по крайней мере на сегодня, поэтому мне не терпелось выпроводить его из дома. Мне сейчас надо сделать два важных звонка. Сплести интригу. Я хочу убедиться, что завтра и Алина Евгеньевна и Людмила Ивановна побывают в кабинете у моего львенка. Мне необходимо знать, у кого из них острый приступ лживости. Нападать нужно на больное животное и приканчивать его, отбив от стада.

– Мама не будет волноваться? – намекнула я.

– Ты хочешь, чтобы я уехал? – слегка обиделся Слава.

– Милый, у меня еще есть работа на сегодня, – притворно вздохнула я.

– Ты что, будешь работать пьяной?

– Я и выпила-то чуть-чуть. А вот ты да. Напился. Давай я вызову тебе такси?

– Я что, не могу сам такси вызвать?

– А как у тебя с деньгами?

– Ты меня обидела, – он вскочил и стал одеваться. Цель достигнута. – Да, я не беру взяток, но зарплата у меня вполне достойная.

Я не стала спрашивать какая, просто тайком сунула ему в карман деньги. Пока он приводил себя в порядок, нацарапала записку: «Ты лучший. Твоя Г.». И сунула туда же, в карман. Сначала он вытащит записку, потом найдет купюру. И уже станет не так обидно. Маленький скандальчик (если он будет) мы переживем.

Мы – это я и зеркало. Которое сказало мне, что я прекрасно выгляжу. Еще бы! Слава потратил столько усилий, чтобы моя кожа сияла!

– Позвони мне, как только освободишься, – сказала я ему, имея в виду завтрашний день. – А лучше приезжай.

– Хорошо, – бросил он, все еще дуясь.

Хлопнула дверь. Но у меня остались подаренные им цветы. «Он очень милый мальчик», – подумала я, понюхав букет. Потом собралась с мыслями и, прихватив мобильный телефон, отправилась в ванную. Самые умные мысли приходят мне в голову, когда льется вода. Там, в ванной, в горе душистой пены я чувствую себя комфортно.

Начать я решила с жены ББ. Ведь это она приехала к Курбатову первой. И насчет нее нет полной уверенности, что придет завтра к Славе. У нее шикарная жизнь, немного скучная, правда. Ведь она вынуждена хранить верность ББ, а его природа щедро одарила чутьем бизнесмена, хитростью, коварством, но совсем не одарила мужской харизмой. Он маленький, лысый и толстый. Да что там! Жирный. Я прекрасно знаю, какие проблемы в постели у людей такой комплекции. Если им вообще до секса. Жена ББ, конечно, стройняшка, и, обладая определенными навыками и пониманием ситуации, можно решить половые проблемы и с ББ. Но не уверена, что она этого хочет и знает, как это делается. Чисто технически. Поэтому у нее есть все, кроме полноценного секса. Она говорит раздраженно, легко заводится, и тогда розовые ноздри ее идеального носика трепещут, а верхняя губа немного дрожит. Я это заметила.

Чудо, что она сейчас в Москве. Эта тяжба за должность ректора ее, должно быть, уже бесит. И она решила укатить в Ниццу. А мне надо, чтобы она осталась…

– Алиночка Евгеньевна, добрый вечер. Это Листопадова из Ученого совета. Я знаю, что вы поздно ложитесь…

Только о ней, ни слова о себе.

– Вообще-то уже собиралась.

Мы едва знакомы, я, по сути, никто, и голос у нее ледяной.

– Я случайно узнала от Людмилы Ивановны, что ее назначение на должность ректора уже дело решенное. Вы ведь знаете, что у меня в министерстве работает ученик, да потом, и сама она этого не скрывает.

– Вот как? – Потеплело. Ей любопытно, уже хорошо.

– Если бы не роковое стечение обстоятельств…

– Если бы этот козел не сдох, ректором уже была бы я! – сказала она раздраженно.

– Я понимаю, что все подозревают меня. Но сами подумайте: мне-то это зачем?

– Он ведь вам отказал. В покровительстве,?– с усмешкой добавила Гаврилкова.

– Если бы за это убивали… – Я притворно вздохнула. – Алина Евгеньевна, я всегда знала свое место. Меня выдвинули исключительно для массовости. Для видимости выбора, понимаете? В списке должно быть кандидатур пять, не меньше. Ну, что взять с массовки? Даже теперь, когда Курбатов умер, я все равно ничего не выигрываю.

– Звучит убедительно. – Гаврилкова задумалась. – Интересно, зачем она врет?

– А она врет?

– Я же вам говорю, что в тот вечер Курбатов мне ясно сказал, что вопрос можно считать решенным.

– А вы все правильно поняли? Решенным в вашу пользу?

– Я правильно все поняла! Он сказал, что новый учебный год я начну в должности и.?о. ректора!

У мужа нахваталась. Властный тон, тон хозяйки жизни. А я прислуга. Мне завтра в Ниццу не лететь.

– Боюсь, вас ввели в заблуждение.

– Что-о?!

– Все это было обставлено таким образом, чтобы под подозрение попала я. Но, может быть, это месть? Я не подозреваю Людмилу Ивановну, упаси боже! Чтобы она сама, своими руками…

– Но ведь на месте убийства нашли ваш пистолет.

– То-то и оно. – Я притворно вздохнула. – Подставили грамотно, что и говорить.

– Ах, вас подставили… – В ее голосе прозвучало сомнение, мало того, я услышала шум льющейся воды. Неужели она тоже нежится в ванне?! Я проморгала альфа-самку. Грызня будет жестокой.

– Людмила Ивановна послезавтра идет к следователю.

– Вот как? – в трубке стало тихо. Она даже воду выключила.

– Она, кажется, хочет уличить вас во лжи.

– Меня?!

– Она сказала следователю, будто вы рассердились, что предпочли ее.

– Ах, она хочет перевести стрелки на меня!

– Но ведь вопрос остается открытым. Голосование пройдет уже без Курбатова. И те, кто принимал его сторону, остались без хозяина. Понимаете? Ученый совет остался без хозяина.

– Но ведь вы в нем тоже состоите?

Слава тебе! Сообразила!

– Именно так.

– И по слухам, которые до меня дошли, имеете там влияние. Плюс ваш ученик из министерства, – по тому, каким тоном она сказала «ученик», я поняла: знает. Ах, Саша, Саша!

– Алиночка Евгеньевна, – мой голос стал заискивающим. – Я с удовольствием поддержу вашу кандидатуру. Но Людмила Ивановна… Она против вас интригует. Она даст показания.

– Против меня?!

– Именно.

– Хочет меня утопить, стерва!

– Она и свидетелей найдет, не сомневайтесь.

– Ну, это у нее не выйдет. Я посоветуюсь с мужем. Меня, кстати, тоже приглашали. Следователь, и тоже на послезавтра. Теперь я понимаю, почему. Я не хотела идти, но обязательно пойду. Хочу разоблачить эту наглую врушку. А с вами мы, я думаю, договоримся.

– Конечно-конечно. Я на вашей стороне.

– Я вам еще позвоню.

– Спасибо огромное.

Она дала отбой. Я перевела дух. Вряд ли Гаврилкова будет звонить сопернице. Ей позвоню я.

– Добрый вечер, многоуважаемая Людмила Ивановна. Извините, что так поздно.

– Ах, это вы, Георгина.?– Она со мной на короткой ноге. То есть без отчества. А я ее «безмерно уважаю», как руководителя профкома и жену БЧ и соблюдаю субординацию.

– Меня вызывали к следователю, Людмила Ивановна.

– Я в курсе.

– Идет какая-то игра, смысла которой я не понимаю. В тот вечер я приехала к Курбатову и увидела его труп. Кто-то приехал до меня и убил его из моего пистолета. К счастью, нашлись свидетели, которые подтвердили, что это не я.

– Свидетели? – Она несказанно удивилась.

– Видите ли, я была не первой, кто увидел труп, – вдохновенно врала я. – Мужчина, который приехал до меня, тоже оказался под подозрением. Но потом выяснилось, что и он не первый.

– Постойте-постойте… Я что-то не понимаю.

– А тут и понимать нечего, уважаемая Людмила Ивановна. Ваше назначение на должность ректора – дело решенное. Вы ведь знаете, мой ученик работает в министерстве. И кое-кому это не нравится. У вас есть соперница. Я, понятное дело, поддерживаю вашу кандидатуру, потому что вы окончили наш университет, блестяще защитили диссертацию. О! Я получила истинное наслаждение! Как грамотно и как тонко написано! Со знанием дела. Виден глубокий ум. Способность к дальнейшим научным изысканиям. Ваше место в Академии наук! Во главе ее! Не радей вы так о нас в своем профкоме, давно бы уже стали светочем отечественной социологии!

– Я польщена. Значит, эта стерва против меня интригует.

– Мало того, она вас подставляет. Вы же знаете, сколько денег у ее мужа.

– Ну, мой муж тоже не лыком шит.

– Именно так, Людмила Ивановна, именно так. Мы, профессура университета, всегда поддерживаем своих. Нас деньгами не купишь.

– Меня на послезавтра вызвал следователь. Сказал, что открылись новые обстоятельства. Теперь я понимаю какие. Я не хотела идти и даже запаслась справкой о болезни, но обязательно пойду… Значит, она хочет обвинить меня в убийстве. Ловко! И свидетелей, вы говорите, нашла?

– Купила, Людмила Ивановна, купила.

– Она у меня сама сядет. Ах, да! Я же ее видела! Мы столкнулись в дверях, когда она выходила от Курбатова. Как вы сказали? Двое мужчин, которые приехали следом за мной, говорят, что видели уже труп? Но это невозможно! Когда я уезжала, он был жив!

– У вас есть свидетели?

– Свидетели, свидетели… Господи, было поздно.

– Расскажите мужу. Вам срочно надо кого-нибудь найти. И вы как следует подумайте.

– Спасибо, что вы мне позвонили, Георгина. По крайней мере, я теперь знаю, о чем пойдет речь. Я поговорю с мужем.

– Обязательно это сделайте, Людмила Ивановна.

– Вы слывете неглупой женщиной. Все говорят, что это вы убили Курбатова…

– Да зачем мне это, Людмила Ивановна?! – искренне возмутилась я.

– Да, вы-то уж точно ничего не выигрываете. Разве что месть.

– Месть? У меня хороший оклад, доплата за степень, гранты. Рискнуть всем этим из мести?

– Да, глупо.

– Глупее ничего и быть не может, – горячо сказала я. – Мне очень неплохо в Ученом совете. Я никогда и не пыталась прыгнуть выше головы. Да я и не умею руководить. Вот вы… С вашим бесценным опытом работы в профкоме…

– Да, быть ректором – это мое. У меня есть целая программа.

– Мы в Ученом совете с ней ознакомились. Блестящая программа!

– И в министерстве ее поддержат. У моего мужа большие связи. Он готов договориться, если я стану ректором.

– Все правильно. Что такое деньги? А вот связи… Связи – это все.

– Значит, нам надо как-то избавиться от Алины.

– Перевести стрелки на нее.

– Но как? Она ведь приехала первой и уехала первой! И Курбатов был жив, я сама это видела!

– А если она вернулась? – осторожно предположила я.

– Вернулась, чтобы… Алина? Нет, это невозможно!

– А если не сама?

– Наняла кого-нибудь? – Людмила Ивановна задумалась.?– Мне в любом случае надо посоветоваться с мужем.

– Если хотите, потом можете поговорить со мной.

– Я вам позвоню.

– Спокойной ночи, Людмила Ивановна.

– И вам, Георгина.

– Мужу привет передавайте. Я его безмерно уважаю.

– Спасибо. До свидания.

Ну, вот и все. Гон начался. Интрига закрутилась. Теперь, мой мальчик, не подведи!

Особенности охоты гиен

Если вдруг между Алиной Евгеньевной и Людмилой Ивановной случится выяснение отношений и они в запале обе сошлются на меня, так что ж? Людмила Ивановна сказала мне, что ее вызывают к следователю? Сказала. Звонки двум этим дамам последовали один за другим, почти без интервала, пойди разберись, какой был сначала, а какой потом. Клянусь, они обе не смотрели на часы. Что касается сути разговора…

Ни один человек не в состоянии объективно оценить реальность. Он всегда оценивает ее в интересах собственного эго. Еще говорят: у каждого своя правда. На самом деле правда одна, просто никто ее не желает знать. Алина Евгеньевна с Людмилой Ивановной в принципе не могут договориться. Потому что они соперницы. Ни одна не хочет проиграть. Дело осложняется еще и тем, что это фигуры равнозначные. У каждой богатый-влиятельный муж, и у каждого мужа свита. Обе привыкли к диктату. Поэтому я не солгала ни одной. Ведь каждая услышала свою версию правды. И у меня есть своя правда. Но она этих двух дам не интересует совершенно. И что толку ее навязывать?

Пусть каждый и получит свою правду. Вариантов – масса. Сколько людей, в общем.

Люди… Чтобы стало понятно, я вам расскажу кое-что, имеющее отношение к теме. Я ведь не родилась такой. У меня тоже когда-то были комплексы, я страшно боялась сказать что-то не то и, упаси боже, сделать, а еще заботилась, чтобы люди не говорили обо мне плохо. О, господи! Люди!

Все изменилось, когда я начала говорить им то, что они хотят услышать. Принялась врать. А стала я это делать по одной простой причине.

У меня появилось хобби. Я это не сразу поняла, но поскольку я ученый, то со временем систематизировала знания о предмете исследования и составила каталог экспонатов. Немного истории.

Я очень люблю путешествовать. И долгое время я, как честный турист, таскалась по всем этим развалинам, осматривала бесконечные замки, музеи, коллекции доисторического мусора… В общем, мучилась на жаре или под проливным дождем, и мне было безумно тоскливо и скучно. Но как же! Я же должна пополнять свой культурный багаж!

Так говорит одна моя знакомая, которая считает себя очень культурной. Более скучного человека я в жизни не встречала. Человек-штамп. Он оперирует исключительно штампами: «культурный багаж», «копилка знаний», «мостик дружбы между нашими народами» и прочей пошлятиной. Эта дама читает лишь то, о чем везде пишут, говорит только о том, о чем все говорят, смотрит те фильмы, которые отмечены премиями международных кинофестивалей, ну и редко какие-нибудь наши. И мыслит она тоже штампами.

– Обязательно сходи в этот музей.

– Зачем?

– Ну как же? Побывать в Испании и не сходить туда?!

Или:

– Быть в Таиланде и не посмотреть это?!

Причем с таким ужасом, будто я лишаюсь почки или глаза.

– Зачем?

– Ну как же? Ведь надо расти как личность!

Это все абстрактные понятия. Конкретно: зачем? Потому что надо! Объясните мне внятно, как вырастет моя личность, если на сорокаградусной жаре я прослушаю лекцию о гибели Помпеи?

Сначала я думала: может, я ущербная? Или дура. Презирала себя. Ругала. И даже стыдилась. Не понимаю, потому что глупа. Но вроде бы нет. Не дура. Как никак, доктор наук. Может, все остальные притворяются? Вы бы видели, какие толпы туристов бродят по этим развалинам!

Зачем? Того, кто даст оригинальный ответ, я готова расцеловать. Только без всех этих «культурных багажей» и «роста личности». Достали они меня, в общем.

Пляжный отдых меня тоже мало привлекает. Жариться на солнце и накачиваться пивом – увольте. Это еще более непонятно: ехать за тридевять земель, чтобы там нажраться и все заблевать. Я ничуть не преувеличиваю, сама слышала, заселяясь в пятизвездочный отель в Шарм-эль-Шейхе с группой молодежи:

– Блин, как тут красиво! А вот мы сейчас нажремся и все тут засрем и заблюем!

Они при мне затаривались в дьюти фри, и я не сомневалась, что все так и будет. Люди приехали отдыхать.

Но я-то зачем таскаюсь по модным курортам? Что меня туда тянет?

И настал момент, когда я это поняла. Люди. Меня привлекает исключительно общение. Любой интересный человек стоит всяких там доисторических развалин. Крушение личности гораздо более впечатляет, чем гибель Помпеи. Иные биографии достойны того, чтобы посвятить их выслушиванию время, предназначенное для просмотра фрески Да Винчи «Тайная вечеря». Можете в меня плюнуть, мне давно уже на это наплевать. Меня больше не заботит, что обо мне скажут люди. Они в любом случае скажут, так стоит ли на это обращать внимание?

В моей коллекции есть роскошные экземпляры, а я собираю их по всему миру. Я знакомлюсь с людьми, которые кажутся мне интересными, и выпиваю их до дна. Если бы я занималась консумацией, заработала бы миллионы. Со своими

знакомыми «на один вечер» я обошла кучу баров и ночных клубов, и везде меня щедро угощали, потому что я умею слушать. И еще никто не потребовал расплатиться за выпивку сексом. Только если мне самой этого хотелось.

Почему я предпочитаю пополнять свою коллекцию за границей? А потому что здесь, в Москве, я Георгина Георгиевна Листопадова, доктор педагогических наук, важная дама, с которой вряд ли кто-нибудь станет откровенничать. А там я никто. Там все никто. Туристы не любят говорить о роде своих занятий. Встретились – разошлись. Забыли друг о друге. Откровенничать предпочитают со случайными знакомыми. И в состоянии подпития.

У меня есть потрясающая дама, она помешана на шопинге. «У меня» – это в моей коллекции, в разделе «редкие экземпляры людей». Этот – редчайший. Ее ничто не интересует кроме брендов, причем, если на этикетке мелкими-премелкими буковками написано «мэйд ин Чайна», это уже не бренд. Она их выискивает, эти буковки, с маниакальным упорством и, найдя «сделано в Англии», или «в Италии», приходит в щенячий восторг. У нее праздник не 31 декабря, как у всех нормальных людей, а неделей позже, когда она летит в Милан на распродажу. Она целый час рассказывала мне, как в одном из миланских бутиков купила шарфик от известного модельера (то ли от Валентино, то ли от Версаче) за пятнадцать евро.

– Я даже глазам своим не поверила! Нет, вы не думайте, я сохранила ценник! Когда мы вернемся в Москву, я покажу вам этот шарфик, Георгина! Пятнадцать евро!

Эти слова – «пятнадцать евро» – она повторяла, как заклинание, каждые пять минут. Я провела в ее компании восхитительный день. И еще один день мы вместе ходили по бутикам. При этом я не сказала ни слова, зато она не умолкала. Когда я вернулась в номер, у меня в ушах звенело. «Пятнадцать евро, пятнадцать евро»… «Пятнадцать евро за Валентино» – эквивалент счастья. Да, живет такой человек. Зачем живет? Кому он нужен? Модным домам, чьи вещи покупает? За два дня я не услышала от нее ни одного умного слова, но, мама дорогая, она с полувзгляда отличает «стоящая вещь» или «фуфло»! Она великолепна!

Другая дама, нет, не дама, очаровательная девушка модельной внешности. Длиннющие ноги, огромные карие глаза. Но… Она зациклена на борьбе с ТСЖ! Красотка – и ТСЖ! Покупает уже третью квартиру в новом доме (у нее богатый

муж) и борется с управляющей компанией за установку водного счетчика. Точнее, за пломбу на этом счетчике. Цена вопроса четыреста рублей. Даже если в квартире четыре счетчика, это не стоит потраченного на них времени. Но только не для нее! И вот она пишет на всевозможные сайты, читает все законы о ТСЖ и даже цитирует их наизусть, собирает телефоны всех жильцов нового дома, достает застройщика. Маньячка просто. Повторяю: цена вопроса четыреста рублей. Муж миллионер. Это не жадность. Я даже не знаю, как это называется. Но она хороша! Я готова расцеловать ее в румяные щеки, так она хороша! Попробуйте вы у меня теперь чего-нибудь опломбировать за четыреста рублей, враги из ТСЖ! Я знаю, кого на вас напустить!

Есть и случайные экземпляры, «на один глоток».

В зал, где находятся железнодорожные кассы, влетает мужчина с выпученными глазами. Змейками вьются очереди.

– Куда мне можно сюда?! – орет он.

И кто-то находчиво отвечает:

– Да хоть докудова!

Я не устаю радоваться чувству юмора наших людей. Таких нигде больше в мире нет. По сравнению с нами все остальные – зануды.

Поэтому у меня и мысли никогда не возникало уехать жить за границу. Здесь весело. Здесь – настоящие люди. А мой диагноз – коллекционер. И моей коллекции нет цены. Это вам не марки и не золотые монеты. Это стоит гораздо больше.

Я узнала об этом, когда познакомилась с преподавательницей по этикету, тоже, кстати, потрясающий экземпляр. В ее присутствии никто не может ни есть, ни пить, все боятся сделать ошибку. Она умудряется так обставить трапезу, что кусок не идет в горло. Прием пищи у нее посвящен исключительно этикету. Причем она сама над этим шутит, но сделать с собой ничего не может. Ну, да бог с ней. Она подарила мне потрясающую инструкцию, как следует относиться к себе. Кроме описания посуды под спиртное, что куда лить, там было и о том, что нужно носить, как краситься и о чем думать. И все для чего?

Цитирую.

«Древняя японская легенда гласит:

На свете существуют три силы в помощь человеку.

Сила меча.

Сила золота.

Сила зеркала.

Меч символизирует силу оружия, грубую физическую силу. Золото – силу денег. Помни золотое правило – кто имеет золото, тот и создает правила.

Зеркало – это сила знания о себе и о другом. Это знание дает самую большую власть, позволяет управлять миром, управлять и теми, у кого меч и золото». Конец цитаты.

Вот тогда-то мне и пришло в голову, что моя коллекция людей – ключ к безграничной власти над ними. Я просто никогда ею не пользовалась в корыстных целях. Я не то что в совершенстве владею силой зеркала. Я и есть зеркало. Человек смотрит на меня, а видит себя. Если он дурной, он видит чудовище. Хороший видит очаровашку и слышит то, что ласкает его слух. Потому и с мужчинами мне так легко. Мои тело и мысли моментально приспосабливаются к их желаниям. Им делается так комфортно, как никогда в жизни. Я ведь со стопроцентным совпадением угадываю желания своего партнера по сексу или просто собеседника раньше, чем он их озвучит. А иногда даже раньше, чем он поймет, чего именно хочет. Я угадываю не те желания, которые обычно высказывают вслух. А те, что прячут под подушкой вместе со «стыдными» книжками. Ну как же, я – и вдруг ЭТО! А не надо бояться. Страх делает человека уязвимым.

1. И когда я поставила перед собой цель стать ректором, чтобы побороться за наш университет, я решила воспользоваться наконец своей коллекцией. Пусть она поработает.

Какова на вкус антилопа?

– Как все прошло? – спросила я львенка, нежно целуя его в губы, отчего он не сразу смог ответить.

– Нормально… м-м-м… Вкусно!

– Нормально, это как?

– Я не представляю, как можно кого-нибудь из них подставить! Они ни в чем не виноваты!

– Ничего себе, нормально! – не удержалась я. – Ты должен был найти дыры в их броне, а ты вместо этого убедил обеих в незыблемой прочности их позиций!

Он следователь, поэтому и я перехожу на казенный язык. Так ему понятней.

– Георгиночка, ну, как я могу сфабриковать улики? Меня же этому не учили!

А вот так меня еще никто не называл. До чего же он милый! Но… Георгиночка? Это из какого раздела ботаники? Есть такая цветная капуста, сорт «георгиночка», неприхотливая, морозостойкая, перекрестноопыляющаяся. Как жидкое удобрение рекомендуется использовать виски и французский коньяк.

– Не надо ничего фабриковать. – Я треплю его за ушки. – Надо просто найти людей, которые их ненавидят. Я уверена, что такие есть. Вот взять Гаврилкову, – я бросила на него внимательный взгляд. Если получилось у меня, может получиться и у другой. Тем более, я настолько повысила самооценку этого мальчика, что он готов атаковать даже статую Свободы, хотя еще вчера думал, как подступиться к продавщице в обувном магазине.

– Неприятная женщина эта Алина Евгеньевна, – поежился Слава.

– Почему?

– Она смотрит на всех как на пустое место!

– Она смотрит на тебя как на пустое место, – поправила я. – Расскажи мне обо всем по порядку.

– Значит, так, – сказал он, развалившись на кровати. – Целый час мы беседовали с Людмилой Ивановной. Она пыталась меня убедить, что Гаврилкова сфальсифицировала представленные в Ученый совет документы.

– Очень хорошо, – кивнула я.

– Но там все печати подлинные!

– Милый, нужны не печати, а свидетели. Надо ехать в институт, где она якобы училась, беседовать с преподавателями. Ладно, диплом. Но кандидатская диссертация! Тем более докторская! Это же легко проверить! Где защищалась, кто был научным руководителем, а кто оппонентом? Сколько членов Ученого совета голосовало «за», а сколько «против»? Где был банкет? Что ели? Что пили? Сколько денег было в конвертах, которые всем раздали? Факты. Цифры.

– Но зачем нам это?

– Человек баллотируется на должность ректора с фальшивыми документами. Это же скандал! А теперь представь, что об этом узнал Курбатов.

– Но он же поддержал именно ее кандидатуру!

– Он об этом уже не скажет. А то, что говорит она… Вот представь: она приезжает, а Курбатов ей говорит: уважаемая Алина Евгеньевна, я не хочу подставляться, меня в министерстве ждут. Сейчас подо всех копают. Когда нефть была двести долларов за баррель и требовалась растущему производству в огромных количествах, фальшивые биографии мало кого интересовали. Денег хватало всем. А теперь их все меньше и меньше. А сколько расплодилось чиновников? И ни один из них не хочет урезать свои «скромные» потребности. Напротив, все клянчат повышения зарплаты с учетом инфляции. Урезают простой народ, у которого уже терпение кончается. Но это не может длиться вечно. Настанет момент, когда примутся резать баранов-чиновников. Тех, кто

подставился. Уже идет открытая травля. «Чиновник» нынче – имя нарицательное. Читай: вор, взяточник, бездельник. Хотя я знаю много трудяг из Пенсионного фонда или из страховой компании по обмену медицинских полисов, которые принимают по сто человек в день, с температурой зачастую сидят, больные-простуженные, но не уходят. Бумаги народу выправляют. Сидит такая девочка с соплями до пупа, а за дверью озверевшая толпа. И никто ее не прикрывает. Не царское это дело. Царское – бабло пилить, а у этой девочки зарплата копеечная. Начальников много развелось, они и пойдут под сокращение. И вот тут-то надо быть кристально честным. Хотя бы по бумагам.

– А если у Гаврилкиной диплом настоящий? И диссертацию она сама написала?

Я расхохоталась:

– Ты сам-то в это веришь?

– Ну, допустим. Допустим, Курбатов узнал. И что? Когда она уезжала, он был еще жив. Хотя Людмила Ивановна говорит, что Гаврилкова могла вернуться. Или нанять кого-то.

– Прекрасная мысль! – эта мысль моя, но озвучила ее Людмила Ивановна. Поэтому львенок ни о чем не догадывается.

– Но как проверить?..

– С секундомером, мой мальчик, с секундомером. Пусть опера пройдут ее маршрут в тот вечер. Узнают, во сколько она приехала домой. Наверняка есть горничная, которую Алина Евгеньевна каждый день доводит до слез. Шофер, который из-за нее на стенку лезет. Дворник, посылающий ей в спину проклятья. Алина Евгеньевна вызывает у людей сильные чувства. И если ее ненавидят, то люто. Ищи, милый.

– Хорошо, – сдался он. – Хотя я уже сам не понимаю, зачем это делаю.

– А затем…

Я легла рядом. Загружен он основательно, теперь его надо расслабить. Среднестатистическая человеческая особь не в состоянии переварить столько умных мыслей сразу. Я заскользила губами по его животу:

– Скажи мне еще раз: Георгиночка…

Результат последовал немедленно. Не в тот же день, о делах мы, признаться, уже больше не говорили, но на следующий… О! Что это был за день!

– Ты права, – услышала я в трубке счастливый голос львенка. Ему удалось сделать мне приятное. – Горничная Алины Евгеньевны сказала, что ее хозяйка вернулась домой после полуночи. Она редкая стерва.

– Горничная?

– Да, похоже, обе. – А у него есть чувство юмора. Растет в моих глазах. Так и до любви дело дойдет.

– А подробности?

– Подробности будут! Надо еще выяснить, где она находилась! Горничная сказала, что хозяйка вернулась ночью, тайно. Муж в Америке, в деловой поездке. Алина Евгеньевна сама была за рулем, хотя обычно пользуется услугами личного шофера. В дом она вошла не с парадного, а через черный ход. И думает, что кроме горничной ее никто не видел. На следующий день девушка получила в подарок платье от Шанель, которое госпожа надела от силы один раз. Да, еще в тот вечер, двадцатого июня, от Алины Евгеньевны попахивало спиртным.

– Поспрашивай гаишников. Если она мчалась ночью на «Бентли» подвыпившая, ее вполне могли остановить. Она, конечно, отмазалась, но, насколько я успела узнать Алину Евгеньевну, женщина она резкая, и в подпитии наверняка без тормозов. Гаишник деньги-то взял, но обиду затаил. Поспрашивай, Славочка.

Это тебе за Георгиночку.

– Я все сделаю, дорогая! – отрапортовал он.

К моему огромному удивлению, Гаврилкова и не отпиралась. Я ожидала, что будет грандиозный скандал. Не пойду-не хочу-не буду-не знаю-не была! Но на допросе у моего Славика Алина Евгеньевна с чувством собственного достоинства заявила, что у нее была деловая встреча. И вот тут судьба преподнесла мне щедрый подарок. Она назвала имя мужчины, с которым встречалась после того, как уехала от Курбатова!

Александр Иванович Козелков!

И я тут же придумала красивейшую комбинацию.

Охота на Антилопу

Я позвонила его жене. Благодаря Саше к этому моменту я знала о ней все. Девочку звали Настей. У нее есть папа-чиновник, занимающий хороший пост в правительстве Москвы, а мама работает в банке, тоже на хлебной должности. Девочка с пеленок ни в чем не знала отказа. Но Сашу она действительно любила. И как его можно не любить? Я и сама его люблю, честное слово!

Не надо думать, что все дети богатых родителей избалованные эгоисты. Среди них встречаются просто святые. Они ведь ни за что не боролись, не убивали, не предавали, не продавались, все блага упали на них с небес. Поэтому они немного наивные, щедрые и великодушные. Сами никогда не предложат, потому что не понимают, как это – нет денег, но если попросить, дадут с радостью. Я не говорю, что все такие, но встречаются. Настя как раз такая. Она обожает красавца-мужа, свою очаровательную дочку, и хотя тщательно за собой следит, ездит и в СПА, и на маникюр, не прочь также посидеть в кафе с подружками, интересы семьи для нее на первом месте. Вот такая девочка. В моей коллекции редких человеческих экземпляров она занимает достойное место.

– Здравствуйте, Настя, – сказала я ей. – Меня зовут Георгина Георгиевна. Вы когда-нибудь обо мне слышали?

– О! Конечно! Саша вас очень уважает!

– Мне он тоже много о вас рассказывал.

Саша относится к своей девочке трепетно. Он не посмел ей рассказать, что отношения у нас не просто ученик-учитель. Во всяком случае, именно на это я сделала ставку. Теперь надо очень осторожно.

– У вас все в порядке?

Еле заметная пауза.

– Конечно. А почему вы спрашиваете?

Но пауза-то была! Я прекрасно знаю людей. На собирание своей коллекции я потратила годы. Люди чрезвычайно завистливы. У Насти есть все, что только можно пожелать. Она молода, красива, богата и безоблачно счастлива. И нет человека, который удержится от того, чтобы не положить в эту огромную бочку меда черную ложечку дегтя.

– Просто до меня дошли слухи…

– Вот! Уже все знают! Даже вы!

– Значит, я не первая…

И тут она расплакалась. Прямо в телефонную трубку:

– Я не знаю, кто она… Говорят, какая-то старуха… Но очень красивая… Хочет стать ректором вашего университета, потому и обхаживает моего мужа. Что общего у нее может быть с Сашей?

– Не надо плакать, Настя, – мягко сказала я. – Хорошо, что вы узнали об этом не от меня. Потому что скоро об этом станет известно всем.

– Господи, что случилось?!

– Эта дама… Ее подозревают в убийстве.

– В убийстве! – ахнула она.

– И в качестве алиби она назвала вашего мужа.

– Постойте… Я ничего не понимаю!

– Вечером двадцатого июня ваш муж вернулся поздно. Наверняка сказал, что у него было важное совещание.

– Мой муж часто возвращается домой поздно, у него работа такая. Двадцатого июня, двадцатого июня…

– В тот день убили ректора Курбатова. Ваш муж ничего об этом не говорил?

– Я что-то такое слышала…

– Так вот, в тот вечер он был с ней. Или она с ним. Как вам больше нравится.

– Мне никак не нравится. И… как ее зовут?

– Алина Евгеньевна.

– Сколько ей лет?

– Тридцать пять.

– И в самом деле старуха! – презрительно протянула Настя. И тут же: – Я сообщу папе!

– Не спешите. Вы мне вот что скажите: вы хотите развестись?

– Да! То есть, наверное, нет. Я не знаю. Еще не решила.

– Вот и не торопитесь. Я уверена, что это мимолетное увлечение. Но оставлять все как есть тоже нельзя.

– И что мне делать?

– Вы же женщина, Настя. Ваш муж – жертва. Как только вы увидите эту даму, сразу все поймете. Она хищница.

– Но я не хочу ее видеть! – жалобно сказала девочка.

– А ее мужа?

– Муж-то мне зачем?

– Как это зачем? Отомстить! Ведь он, в отличие от вас, еще ничего не знает.

Настя всерьез задумалась.

– Да, пожалуй, надо ему сообщить.

– Я берусь это устроить. А вы возьмите себя в руки. Вашего мужа надо проучить. Поверьте мне, Настя, я человек с огромным жизненным опытом. Ну, гульнул ваш Саша. С кем не бывает? Если вы его любите, то простите.

Она всхлипнула.

– Но ее прощать нельзя, вы понимаете?

– Я ее ненавижу! – Кажется, в душе у этой шоколадной девочки впервые родилось сильное чувство. Ее любовь к Саше была такой же шоколадной: за ручку подвела мама, красивые ухаживания не затянулись, потом свадьба в музее-усадьбе, пятьсот человек гостей, океан дорогих подарков, медовый месяц на Мальдивах… И вот какая-та старуха пытается увести ее Сашу!

– Если вам будет плохо, позвоните мне. А вот подружек слушать не надо. Они вам завидуют, помните это. Обязательно скажут: разводись. И как только вы это сделаете, кто-нибудь из них тут же подберет вашего Сашу.

– Точно!

– До свиданья, Настя. Я вам еще позвоню.

Я была довольна: вокруг Антилопы собирается стая врагов. Звонок львенка это подтвердил:

– Ее точно штрафанули! – радостно сказал он. – Протокола, разумеется, не было, но небесно-голубой «Бентли» с пьяной бабой на борту трудно не запомнить. Георгинчик, я нашел!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/natalya-andreeva/al-fa-zhenschina

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить